

**Узбекистонда
ИЖТИМОЙ
Фанлар**

**6
1974**

**Общественные
науки
в Узбекистане**

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ун саккизинчи йил нашри

6

1974

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания восемнадцатый

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (редактор), акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ, акад. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР А. М. АМИНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР К. Н. БЕДРИНЦЕВ, член-корр. АН УзССР О. Б. ДЖАМАЛОВ, член-корр. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук М. А. АХУНОВА, доктор филос. наук М. Б. БАРАТОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (зам. редактора), доктор филос. наук Х. С. СУЛАЙМАНОВ, канд. ист. наук А. А. АСКАРОВ, канд. филос. наук Н. Г. ГАЙБОВ (зам. редактора), Б. И. КНОПОВ (отв. секретарь).

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *З. И. Горькова*

Р06431, Сдано в набор 20/VI-74 г. Подписано к печати 10/VI-74 г. Формат 70×108^{1/2} Бумага тип. № 1.
Бум. л. 2,125. Печ. л. 5,95. Уч.-изд. л. 6,4. Изд. № 1072. Тираж 1836. Цена 40. Заказ 117.

Типография Издательства «Фан» УзССР, г. Ташкент, проспект М. Горького, 21.
Адрес Издательства: Ташкент, Гоголя, 70.

Издательство «Фан» УзССР, 1974 г.

К 50-летию УзССР и Компартии Узбекистана

И. ИСКАНДЕРОВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ

В этом году исполнилось 20 лет с тех пор, как в соответствии с решением февральско-мартовского (1954) Пленума ЦК КПСС в нашей стране развернулось поистине всенародное движение за освоение целинных и залежных земель в интересах быстрого увеличения производства зерна и общего подъема производительных сил сельского хозяйства. В честь этой знаменательной даты 15 марта 1974 г. в столице братского Казахстана Алма-Ате состоялось торжественное заседание, где с яркой, содержательной речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Характеризуя историческую значимость освоения целинных и залежных земель, Л. И. Брежнев отметил: «История нашей социалистической Родины делалась и делается людьми труда. Она делалась и делается теми, кто строил ДнепроГЭС и Магнитку, прокладывал Турксиб и Каракумский канал, кто превратил в цветущий оазис Голодную степь в Узбекистане, кто возводит ныне корпуса КамАЗа и добывает тюменскую нефть. В славном ряду героических свершений достойное место занимает трудовой подвиг покорителей целины».

Необходимость освоения целинных земель была обусловлена растущими потребностями страны, прежде всего в хлебных продуктах. Так, в 1953 г. у нас было заготовлено 31,1 млн. т зерна, а израсходовано на общественное и индивидуальное потребление 32,4 млн. т. Интересы дальнейшего подъема сельского хозяйства и благосостояния советских людей требовали резкого расширения посевных площадей, главным образом за счет целинных и залежных земель в Казахстане, Алтайском и Красноярском краях, Новосибирской и Омской областях, в Поволжье, на Урале и Дальнем Востоке.

Успешное осуществление этих мероприятий — еще одно яркое свидетельство преимуществ социалистической системы народного хозяйства, способной целенаправленно и в сжатые сроки мобилизовать огромные финансовые, материальные и трудовые ресурсы и направить их на решение поставленных задач.

Характерно, что за 1951—1973 гг. среднегодовые темпы роста национального дохода в СССР составили 8,3%, против 3,6% в США, роста продукции промышленности — соответственно 9,7 и 4,6%, капитальных вложений — 9,2 и 3,2%. А объемы капитальных вложений, направляемых в народное хозяйство СССР, ныне полностью соответствуют таковым в США, тогда как в 1950 г. они составляли лишь 30% от уровня США¹. Столь высокие темпы обеспечивают ускоренное развитие производитель-

¹ СССР в цифрах в 1973 году, М., 1974, стр. 47.

ных сил страны, о чем наглядно свидетельствуют успехи освоения целинных и залежных земель. Ниже приводятся среднегодовые данные об увеличении производства зерна в основных районах освоения целинных и залежных земель за истекшие 20 лет (тыс. т)²:

Годы	СССР	В том числе		Из них:	
		основные районы освоения целины	РСФСР	КазССР	
1949—1953	80 948	22 697	18 755	3 942	
1969—1973	184 222	71 667	47 344	24 323	
1973 г. в % к 1949—1953 гг.	274,8	367,1	296,7	701,9	

Как видим, благодаря освоению целины, производство зерна в стране росло из года в год. В 1973 г. в СССР собран рекордный урожай зерна — 222,5 млн. т, а на целинных землях — почти в 4 раза больше, чем в 1949—1953 гг., в Казахстане — в 7 раз.

За 20 лет освоено 42 млн. га земель, которые дали стране 31 млрд. пудов зерна и много другой сельскохозяйственной продукции. На вновь освоенных землях теперь производится до 27% всего заготавливаемого в стране зерна.

Освоение целинных земель позволило успешно решить не только продовольственные, но и ряд социально-экономических проблем, связанных с повышением уровня материального благосостояния и духовной жизни советских людей.

Л. И. Брежнев сказал: «Нынешняя целина — это не только хлеб, не только молоко и мясо, это современный социалистический образ жизни, который укоренился на обширных, пустовавших ранее территориях. И, конечно, это прежде всего выросшие и воспитанные здесь замечательные люди».

Действительно, на бывших целинных землях наряду с сельским хозяйством бурно развивается многоотраслевая индустрия на базе имеющихся запасов промышленного сырья. Коренным образом меняет облик целины появление крупных современных городов и рабочих поселков, где создается максимум условий для труда и отдыха людей.

Освоение целины — важный этап в коренном улучшении условий жизни народа. Только в первые годы на освоение целинных земель пришло около миллиона добровольцев, а по комсомольским путевкам — свыше 500 тыс. юношей и девушек.

Расширение общественного производства на целинных землях непосредственно повлияло на рост денежных доходов населения и поступлений из общественных фондов. Здесь достаточно напомнить, что в 1973 г. повышена до 70 руб. в месяц минимальная заработная плата рабочих и служащих с одновременным увеличением тарифных ставок и должностных окладов среднеоплачиваемых категорий работников, занятых в производственных отраслях народного хозяйства в северных районах страны, районах Дальнего Востока, Сибири, Урала, и начато повышение их в Казахстане и Средней Азии с одновременным прекращением взимания налогов у всех рабочих и служащих с заработной платы в размере до 70 руб. и снижением ставки налогов с заработной платы до 90 руб. в месяц. Это весьма крупное социальное мероприятие. Осуществление его было обеспечено неуклонным подъемом экономики страны, чему во многом способствовало хозяйственное освоение целинных массивов.

² СССР в цифрах..., стр. 105.

В процессе освоения целинных земель выросли замечательные кадры, способные решать любые задачи. Свидетельство тому — достойное признание Родины самоотверженного труда многих целинников. Высокого звания Героя Социалистического Труда удостоены 272 целинника, орденами и медалями СССР награждены 96 965, а медалью «За освоение целинных земель» — 340 тыс. человек. За большие производственные успехи и в связи с 20-летием освоения целинных и залежных земель награждены орденами 30 целинных совхозов, колхозов и научных учреждений.

В своей речи на торжественном заседании в Алма-Ате Л. И. Брежнев подчеркнул: «Целина не кончается Казахстанскими или Алтайскими степями. Целина — это тайга Сибири, тундра Севера, пустыня Средней Азии». Таким образом, речь идет об освоении богатейших природных, земельных ресурсов в самых различных районах страны. И в этом направлении, благодаря интернациональному дружбе и взаимопомощи советских народов в Узбекистане и других республиках Средней Азии также осуществлены крупные мероприятия союзного значения.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов, выступая на торжественном заседании в Алма-Ате от имени ЦК Компартий, Советов Министров и Президиумов Верховных Советов республик Средней Азии, отметил, что «трудящиеся Узбекистана вместе с казахскими и таджикскими братьями успешно осваивают Голодную степь. В больших масштабах ведутся работы по освоению земель в Каршинской, Сурхан-Шерабадской и Джизакской степях, в Каракалпакии, в зоне Каракумского канала в Туркмении, в Киргизии и Таджикистане. Это позволило значительно расширить посевные площади, увеличить производство хлопка и других продуктов земледелия и животноводства».

Ш. Р. Рашидов подробно остановился на героической борьбе хлопководов Узбекистана за получение в нынешнем, определяющем году девятой пятилетки 5 млн. т «белого золота». Выращивание такого высокого урожая хлопка будет достойным трудовым подарком наших хлопководов к золотому юбилею Узбекской ССР и Коммунистической партии Узбекистана.

За годы Советской власти благодаря постоянной помощи Союзного правительства в Узбекистане проделана огромная работа по орошению и освоению новых земель, повышению их плодородия. Общеизвестно, какое значение придавал развитию оросительных работ в Средней Азии В. И. Ленин. Он указывал, что ускорение ирригационных работ послужит важнейшим условием ликвидации экономической и культурной отсталости народов края, успешного перехода их некапиталистическим путем к социализму.

Историческим событием в жизни народов Средней Азии явилось подписание В. И. Лениным в мае 1918 г. декрета Совнаркомом об ассигновании 50 млн. руб. на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ, которым предусматривалось орошение 550 тыс. десятин земли в Голодной, Дальверзинской и Учкурганской степях, а также улучшение существующих ирригационных систем на площади 20 тыс. десятин. Осенью 1920 г. Совнарком вынес постановление о мерах по восстановлению хлопководства в Туркестане и Азербайджане, а затем было принято постановление Совета Труда и Оборона «О борьбе с засухой», предусматривавшее приведение в порядок ирригационных систем и орошаемых земель, в том числе в Туркестане и Казахстане. Эти подписанные В. И. Лениным исторические документы заложили

основу восстановления и дальнейшего интенсивного развития сельского хозяйства Средней Азии, прежде всего хлопководства.

Благодаря осуществлению этих и других мероприятий за полвека существования Узбекской ССР объем посевных площадей в республике вырос до 3505,2 тыс. га против 1434 тыс. га в 1924 г., а производство хлопка увеличилось с 205,8 тыс. т до 4908 тыс. т.

Ныне разветвленная сеть ирригационных сооружений республики базируется на новейшей технике. Протяженность оросительных каналов в УзССР составляет 138 тыс. км, коллекторно-дренажной сети — 48 тыс. км, общее количество инженерных гидротехнических сооружений превышает 35 тыс.³ В системе Минводхоза УзССР действует 11 крупных и более 50 мелких водохранилищ общей емкостью 3,7 млрд. м³.

Неуклонное развитие ирригации и сельского хозяйства в целом обеспечивается прежде всего высокими темпами капитальных вложений, особенно за последние годы. Так, капитальные вложения, направляемые на развитие сельского хозяйства УзССР в течение девятой пятилетки, в 4,4 раза превышают таковые за период 1924—1960 гг., тогда как по народному хозяйству в целом — лишь в 2,1 раза, в промышленности — в 2,2 раза. Против первой же пятилетки объем капитальных вложений в сельское хозяйство республики увеличится более чем в 466 раз.

Форсированные темпы роста капитальных вложений коренным образом улучшили материально-техническую базу сельского хозяйства и способствовали освоению больших масштабов орошаемых земель. Только за годы восьмой пятилетки в республике освоено 237 тыс. га новых земель. Введены в действие такие крупные водохозяйственные сооружения, как Южносурханское, Каркиданское и Пачкамарское водохранилища, построены Большой Андижанский и Туямунский гидротехнические узлы и т. д.

С 1956 г., т. е. с начала генерального наступления на Голодную степь, там освоено 232 тыс. га земель, чему способствовало сооружение свыше 4 тыс. км оросителей, около 10 тыс. км горизонтального закрытого дренажа и более 250 вертикальных дренажных скважин. В районах Голодной степи создано 37 и строится еще 9 совхозов. За 13 лет страна получила от целинных хозяйств 1762 тыс. т хлопка, 36 тыс. т зерна и много другой продукции⁴.

В девятой пятилетке объемы водохозяйственных работ продолжают интенсивно расти. Предусмотрено орошение 750 тыс. га новых земель (из них 50 тыс. га — за счет средств самих колхозов). Завершается строительство Андижанского водохранилища емкостью 1750 млн. м³ воды, Тахнаташского гидроузла, второй очереди Аму-Бухарского канала протяженностью 240 км и ряда других важных объектов, обслуживающих сельское хозяйство.

В речи на торжественном заседании в Алма-Ате Л. И. Брежнев уделил исключительное внимание характеристике основных направлений аграрной политики КПСС, нацеленной на обеспечение устойчивого подъема сельского хозяйства, преобразование характера сельскохозяйственного труда, изменение самого облика села. Столь крупные социально-экономические проблемы в состоянии решать лишь социалистическая система хозяйства.

³ Экономика и жизнь, 1974, №1, стр. 29.

⁴ Правда Востока, 17 мая 1974 г.

Характеризуя важность и особенность этого процесса, Л. И. Брежнев отмечал: «Начиная с мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, мы вплотную занялись выработкой такой политики, шаг за шагом решая ее узловые вопросы: создание экономических условий, стимулирующих рост производства, включая новый порядок заготовок, резкое увеличение капиталовложений, осуществление долговременной комплексной программы механизации, химизации сельского хозяйства и мелиорации земель, развитие сельскохозяйственной науки, совершенствование форм организации и управления».

Эти крупнейшие мероприятия партии дали и дают замечательные плоды во всех звеньях народного хозяйства, ибо значительно повысилась эффективность экономики всех союзных республик, обеспечено ускоренное развитие всех прогрессивных и эффективных отраслей экономики СССР. В этом отношении ярким примером могут служить ускоренные темпы развития хлопководства в республиках Средней Азии, в том числе в Узбекистане.

Намеченная планом девятой пятилетки программа дальнейшего подъема сельского хозяйства республики успешно претворяется в жизнь. За 1971—1973 гг. уже введено в действие 221 тыс. га новых орошаемых земель, мелiorативно улучшено 362 тыс. га земель, проведены большие мероприятия по обводнению пастбищ.

Касаясь широких масштабов мелиоративного строительства в стране, Л. И. Брежнев высоко оценил достижения среднеазиатских республик. «В основном за счет расширения орошаемых земель,— говорил он,— достигнут устойчивый рост производства хлопка. Мы гордимся тружениками Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, всех других хлопкосеющих республик».

За три года девятой пятилетки в УзССР произведено 14 млн. т хлопка-сырца, что на 1300 тыс. т больше заданий пятилетнего плана, а в 1973 г. собран небывалый за всю историю хлопководства урожай — 4908 тыс. т при средней урожайности 29,2 ц/га, причем хлопкоробы Андижанской, Наманганской, Сурхандарьинской и Хорезмской областей добились урожайности свыше 30 ц/га.

В этом свершении велика роль наших ученых-селекционеров, создавших вилтоустойчивые, высокоурожайные сорта хлопчатника «Ташкент-1», «Ташкент-3», которыми занято почти 70% всей площади посевов хлопчатника. Л. И. Брежнев, высоко оценив труд ученых и селекционеров, поставил перед ними новые ответственные задачи, подчеркнув, что «сельское хозяйство нуждается в новых идеях, способных революционизировать сельскохозяйственное производство, в постоянном притоке фундаментальных знаний о природе растений и животных, которые могут дать биохимия, генетика, молекулярная биология. Сельское хозяйство ждет от ученых создания новых, более урожайных и стойких сортов семян, выведения более продуктивных пород скота».

Вдохновленные высокой оценкой их труда, наши ученые-селекционеры плодотворно трудятся над созданием более эффективных сортов хлопчатника, характеризующихся повышенным качеством волокна. Им уже выведен ряд новых сортов, которые успешно проходят производственные испытания, и лучшие из них будут рекомендованы к внедрению.

Один из важнейших факторов неуклонного развития хлопководства — комплексная механизация производственных процессов. Ныне в 1449 колхозах и совхозах УзССР насчитывается 130 тыс. тракторов, более 28 тыс. хлопкоуборочных машин, 6,4 тыс. землеройных машин и много другой техники, тогда как еще в 1928 г. в республике работало всего 1,2 тыс. тракторов и 100 зерноуборочных комбайнов.

Из года в год растет технико-энергетическая вооруженность сельских труженников. В 1928 г. на одного работающего в сельском хозяйстве УзССР приходилось 0,3 л. с. энергетических мощностей, а в настоящее время — более 8,4 л. с.; основные производственные фонды соответственно выросли с 0,2 тыс. до 2,3 тыс. руб. Неудивительно, что производительность труда в хлопководстве Узбекистана в 1973 г. более чем в 6 раз превышала уровень 1913 г.

Благодаря обеспечению сельского хозяйства системой современных машин такие виды работ, как пахота, сев зерновых и хлопчатника, полностью механизированы, а уровень механизации процессов, связанных со сбором хлопка, достиг 60%. В республике полностью завершается электрификация колхозов и колхозных дворов и растет применение электроэнергии в сельскохозяйственном производстве.

В своей речи в Алма-Ате Л. И. Брежнев обратил очень серьезное внимание на совершенствование форм организации производства, улучшение управления сельским хозяйством как одно из важных направлений аграрной политики КПСС. Здесь на первый план выдвигаются проблемы дальнейшей специализации и концентрации производства, углубления межхозяйственной специализации. Эти прогрессивные формы организации общественного производства и разделения труда в сельском хозяйстве получают все более широкое распространение в ряде областей Российской Федерации, в Молдавии, Белоруссии, на Украине и в Узбекистане.

Следует отметить, что в нашей республике основные отрасли сельского хозяйства отличаются высоким уровнем специализации. На долю республики приходится более 65% союзного производства хлопка, 60% коконов, 93% кенафа, 37% каракуля и др. Такая направленность сельскохозяйственной специализации значительно облегчает осуществление рациональной кооперации на базе создания агро-промышленных комплексов, прежде всего в основной отрасли — хлопководстве, в целях повышения качества выращиваемого и перерабатываемого хлопка. При этом надо учитывать, что в условиях ускорения научно-технического прогресса текстильная промышленность предъявляет большие требования к качеству сырья.

Наши хлопкоробы прилагают все усилия для выращивания высококачественного хлопка, а технический прогресс в сельском хозяйстве способствует уборке его в наиболее сжатые сроки. Однако формы заготовок хлопка пришли в противоречие с нынешними условиями развития производительных сил в сельском хозяйстве, что требует передачи функций заготовки, хранения и транспортировки хлопка-сырца самим сельскохозяйственным органам, упразднения излишних промежуточных заготовительных органов и усиления прямых связей сельского хозяйства с хлопкоочистительными заводами.

Наши ученые, специалисты народного хозяйства вносят предложения по дальнейшему совершенствованию управления и организации заготовок и первичной переработки хлопка, в том числе:

- о сохранении действующей системы круглогодичной работы хлопковых заводов;
- об организации поточной технологии заготовок и переработки хлопка, проводимой в сезон сдачи урожая;
- об организации первичной переработки хлопка-сырца в дифференцированные оптимальные сроки;
- о передаче хлопкозаготовительной сети, функций сушки и очистки хлопка-сырца сельскохозяйственным предприятиям при сохранении

круглогодовой или дифференцированной организации работы хлопкозаводов.

Нам представляется, что осуществление последнего предложения должно способствовать изжитию серьезных недостатков, имеющихся во взаимоотношениях между сельским хозяйством и промышленностью в области заготовки и первичной переработки хлопка, и экономически стимулировать поставки народному хозяйству высококачественного хлопка.

Л. И. Брежнев определил следующие критерии формы управления сельскохозяйственным производством: «Во-первых, она должна обеспечивать проведение единой общегосударственной линии по всем вопросам сельского хозяйства, тесную увязку действий между ведомствами, отвечающими за тот или иной участок работы. Во-вторых, она должна предусматривать четкое распределение компетенции и ответственности между уровнями руководства. В-третьих, она должна ориентироваться на органическое сочетание централизованного, планового руководства с самостоятельностью, инициативой совхозов и колхозов в решении оперативных вопросов производства и сбыта продукции. И, в-четвертых, ее следует приблизить к сельскохозяйственному производству, по возможности исключить лишние звенья и сделать максимально результативной».

Отмеченные выше предложения по совершенствованию управления системой заготовки хлопка отвечают этим указаниям. Вопрос этот заслуживает самого пристального внимания наших ученых и практиков.

Большие возможности специализации и кооперирования в условиях Узбекистана заложены и в нехлопковых отраслях сельского хозяйства, поскольку колхозы и совхозы республики, как правило, еще имеют в своем хозяйстве по 10—15 мелких отраслей, эффективность которых гораздо ниже, чем в специализированных хозяйствах. Очевидно, назрела необходимость широкой организации крупных специализированных межхозяйственных агропромышленных предприятий и комплексов различного направления (ферм по откорму крупного рогатого скота, птицефабрик, животноводческих комплексов, овоще-фруктовых и др.).

ЦК КПСС и Советское правительство проявляют неустанную заботу о дальнейшем расширении темпов и масштабов развития производительных сил страны. Новым свидетельством тому служит принятое недавно ЦК КПСС постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР», в котором намечены перспективы всестороннего развития огромного района страны. Такой комплексный подход характеризует всю политику партии, нацеленную на повышение эффективности экономики и подъем благосостояния советских людей. Именно такой подход обеспечивает неуклонное повышение эффективности экономики каждой союзной республики как органической части единого народнохозяйственного комплекса СССР.

В свете этих требований основными задачами по дальнейшему устойчивому развитию экономики нашей республики представляются:

— обеспечение полной занятости трудоспособного населения в общественном производстве с учетом достижений научно-технического прогресса;

— значительный подъем уровня благосостояния населения;

— наиболее рациональное размещение прироста населения и создание с этой целью максимума благоприятных условий в городских и сельских местностях;

— дальнейшее освоение целинных земель, повышение уровня использования экономического потенциала пустынных и горных районов

республики, занимающих более 90% ее территории, и превращение их в районы активного заселения;

— дальнейшее повышение роли в экономике УзССР таких народнохозяйственных комплексов, как хлопковый, газохимический, топливно-энергетический, а также комплекс цветной металлургии;

— дальнейшее совершенствование структуры народного хозяйства Узбекистана и усиление его экономических связей со всеми братскими республиками Союза.

Осуществление этих мероприятий еще более повысит экономический потенциал республики в общесоюзном разделении труда в свете задач, выдвинутых в речи Л. И. Брежнева в Алма-Ате, в соответствии с основными направлениями социально-экономической политики КПСС и Советского государства на современном этапе строительства коммунизма.

М. АДИХАНОВ

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА УЗБЕКИСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Почти 30 лет прошло с тех пор, как советский народ под руководством Коммунистической партии, совершив массовый ратный и трудовой подвиг, одержал историческую победу над фашизмом. «Чем дальше в историю отходят от нас годы войны,— говорил Л. И. Брежнев,— тем полнее и ярче проявляется величие героического подвига советского народа, мужественно отстоявшего в невиданно жестокой борьбе с фашизмом нашу Родину, завоевания социализма»¹.

Великая Отечественная война, самая тяжелая из всех войн в истории человечества, стала суровой проверкой силы и жизнеспособности советского социалистического государственного и общественного строя, прочности дружбы народов СССР, союза рабочего класса и колхозного крестьянства. И это тяжелое испытание было выдержано с честью. Советский народ, его славные Вооруженные Силы под испытанным водительством партии сокрушили врага и спасли мир от коричневой чумы фашизма.

Неоценимый вклад в общее дело Победы внесли труженики социалистического сельского хозяйства, в том числе колхозное крестьянство Узбекистана.

Война поставила перед сельским хозяйством УзССР новые, исключительно сложные и ответственные задачи. Надо было перестроить всю работу колхозов, совхозов, МТС в соответствии с условиями военного времени и обеспечить бесперебойное снабжение фронта и тыла продукцией земледелия и животноводства.

Между тем в армию и на оборонные работы уходила самая работоспособная и квалифицированная рабочая сила, опытные специалисты, многие руководители сельскохозяйственных предприятий. Значительная часть автомобилей, тяговой техники и рабочего скота были переданы колхозами на нужды армии. Резко сократился объем материально-технического снабжения колхозов, совхозов, МТС и т. д.

Однако охваченное массовым патриотическим подъемом колхозное крестьянство республики под руководством партийных организаций, настойчиво изыскивая внутренние резервы, проявляло образцы высокого трудового героизма. Ушедших на фронт мужчин заменяли женщины, подростки, пенсионеры, на плечи которых легла основная тяжесть всех сельскохозяйственных работ в военные годы.

В. И. Ленин указывал, что «раз дело дошло до войны, то все должно

¹ Л. И. Брежнев. Великая победа советского народа, в кн. «Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941 г.—1945 г.). Документы и материалы», М., 1970, стр. 244—245.

быть подчинено интересам войны»²; что «для ведения войны по-настоящему необходим крепкий, организованный тыл»³, и страна должна стать «единым военным лагерем»⁴.

Исходя из этих ленинских положений, наша партия в исключительно короткий срок перестроила всю жизнь страны на военный лад. Большую работу по перестройке сельского хозяйства Узбекистана применительно к условиям и задачам военного времени проделали партийные, советские, хозяйственные и общественные организации республики. Их организационно-хозяйственная и культурно-политическая работа на селе была нацелена на мобилизацию всех материальных и трудовых ресурсов сельского хозяйства на выполнение поставленных партией и правительством задач.

Особое внимание было уделено укреплению сельских партийных, советских и хозяйственных организаций, кадров руководителей и специалистов сельского хозяйства. Уже в июле 1941 г. в республике было создано 170 новых первичных парторганизаций⁵. Сотни коммунистов из городов и райцентров были направлены на село. Например, за первые 6 месяцев войны (июль—декабрь 1941 г.) по Андижанской области было направлено на работу непосредственно в колхозы 127 коммунистов, по КК АССР — 110. За то же время по Андижанской области на руководящую партийную и комсомольскую работу было выдвинуто 348, по КК АССР — 240 человек⁶ и т. д.

За этот период было подготовлено также свыше 5200 председателей и заместителей председателей колхозов, бригадиров и звеньевых, 16 854 тракториста, 297 комбайнеров, 320 бригадных механиков, 224 шофера⁷. Основную часть их составляли женские кадры, смело заменявшие ушедших на фронт мужчин. Достаточно сказать, например, что уже в сентябре 1941 г. до 16,5 тыс. женщин овладевали профессией тракториста. Вообще следует отметить, что в первый же период войны женщины стали решающей силой на селе. На их долю к началу 1942 г. приходилось более половины всех работников колхозно-совхозного производства. Партия настойчиво выдвигала женщин на руководящие должности, в том числе в колхозах, помогала им успешно решать труднейшие задачи военного времени.

Много внимания уделялось широкому развертыванию и совершенствованию всех форм и средств культурно-политической работы на селе, массовой агитации и пропаганды, патриотического воспитания трудящихся, мобилизации их трудовой и общественно-политической активности.

Особое значение придавалось развитию различных форм социалистического соревнования, как движения стоцентнеровиков, пятнадцатитысячников, выполнение норм за ушедших на фронт колхозников и др.

В подъеме творческой активности масс и завершении перестройки сельского хозяйства на военный лад особую роль сыграли Постановления ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г. «Об организации политотделов в МТС и совхозах» и решения V Пленума ЦК КП(б) Уз, состоявшегося 5—7 декабря 1941 г.

«В качестве основной задачи политотделов МТС и совхозов,— говорилось в постановлении ЦК ВКП(б),— считать повышение полити-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 117.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 408.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 45.

⁵ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 17, д. 307, л. 17, 123; оп. 18, д. 805, л. 3.

⁶ Там же, оп. 18, д. 189, л. 70; оп. 19, д. 885, л. 52.

⁷ Там же, оп. 17, д. 946а, л. 12.

ческой работы как среди рабочих и служащих МТС и совхозов, так и среди членов колхозов, обслуживаемых МТС, внедрение дисциплины и порядка во всей работе МТС, совхозов и колхозов для обеспечения своевременного выполнения ими планов сельскохозяйственных работ»⁸.

Уже к декабрю 1941 г. политотделы были созданы в 34 совхозах и 189 МТС УзССР. Они укрепляли партийные и комсомольские организации, повышали их боеспособность, занимались вопросами подготовки и воспитания сельскохозяйственных кадров, боролись за укрепление трудовой дисциплины, руководили развертыванием социалистического соревнования, вели широкую политико-массовую работу и на этой основе добивались выполнения народнохозяйственных планов.

Активный вклад в культурно-политическое воспитание масс вносили сельские учреждения культуры и просвещения и печать, в том числе стенные газеты, «боевые листки» и др.

В результате всех этих мероприятий и героических усилий тружеников полей республика успешно выполнила план сельскохозяйственных работ первого военного года. Широко развернув социалистическое соревнование на уборке хлопка и других культур, хлопкоробы Узбекистана уже к 15 декабря 1941 г. перевыполнили план хлопкозаготовок и дали Родине более 1657 тыс. т «белого золота» — на 200 тыс. т больше, чем в 1940 г.⁹ Были выполнены и перевыполнены также планы заготовок и поставок государству других продуктов земледелия и животноводства. Так, план заготовок шелковичных коконов был выполнен на 101,5%. Государству было сдано 11 366,6 т коконов¹⁰. Поголовье крупного рогатого скота увеличилось по сравнению с 1940 г. на 10,9%, курдючных овец — на 18,2%, каракульских — на 19,2%, коз — на 24%¹¹ и т. д.

Это был трудовой салют колхозного крестьянства Узбекистана доблестным воинам Красной Армии, разгромившим немецко-фашистские полчища под Москвой.

Достижения сельского хозяйства республики свидетельствовали об успешной перестройке его на работу в условиях военного времени. Очередные задачи тружеников сельского хозяйства УзССР на 1942 г. были определены в решениях V Пленума ЦК КП(б) Уз (декабрь 1941 г.), нацеленных на рост производства сельскохозяйственной продукции, необходимой фронту и тылу, на основе повышения урожайности и расширения посевных площадей.

Общую площадь посевов в республике предстояло увеличить почти на 522 тыс. га, в том числе поливных — более чем на 347 тыс. га¹². С этой целью были приняты меры к освоению новых земель на основе развития ирригации и мелиорации.

В условиях войны, в связи с временной оккупацией врагом западных районов страны, Узбекистан должен был стать одной из основных продовольственных баз страны. А для этого необходимо было резко расширить посевные площади под зерновыми, овоще-бахчевыми культурами и картофелем. Вместе с тем предстояло освоить и такие новые для республики культуры, как сахарная свекла.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, изд. 8-е, т. 6, 1941—1954, М., 1971, стр. 37.

⁹ История Узбекской ССР, Том четвертый, Ташкент, 1968, стр. 100.

¹⁰ Узбекистан в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.), Ташкент, 1966, стр. 102.

¹¹ Е. М. Ершова. Задачи животноводства Узбекистана, Ташкент, 1942, стр. 9.

¹² История Узбекской ССР, Том четвертый, стр. 100—101.

Колхозное крестьянство Узбекистана под руководством партийной организации республики справились с этой задачей. Уже к сентябрю 1942 г. площадь посевов зерновых в УзССР превысила 2009 тыс. га (против 1505,5 тыс. га на июнь 1941 г.), а посевы сахарной свеклы заняли 68 тыс. га. Урожай зерновых составил в том году почти 937 тыс. ц, и республика дала стране на 241,5 тыс. ц зерна больше, чем в урожайном 1941 году¹³. Таким образом, в Узбекистане была создана собственная прочная продовольственная база, и из хлебопотребляющего района он превратился в хлебопроизводящий.

В 1943 г. в УзССР было заготовлено зерновых 415 тыс. т против 263 тыс. т в 1940 г. Колхозы республики выполнили план увеличения поголовья крупного рогатого скота на 101,1%, овец (без каракульских) и коз — на 103% и т. д. Были выполнены также плановые задания по заготовке винограда, сухофруктов и многих других продуктов сельского хозяйства¹⁴.

Однако развитие зернового хозяйства и вообще рост площадей под продовольственными культурами шли за счет сокращения хлопкового клина. Изменение структуры посевных площадей, сокращение трудовых ресурсов, материально-технического снабжения хлопководства и другие факторы привели к уменьшению посевной площади и снижению урожайности хлопчатника. Площадь хлопковых посевов в УзССР сократилась с 921,6 тыс. га в 1941 г. до 625,3 тыс. га в 1943 г., а урожайность хлопчатника — соответственно с 17,1 до 7,1 ц/га в колхозах и с 27,1 до 8,8 ц/га в совхозах¹⁵.

В результате валовой урожай хлопка в республике составил в 1942 г. 870,5 тыс. т, а в 1943 г. — 495 тыс. т¹⁶. Узбекистан недодал государству за эти годы почти 1 млн. т хлопка¹⁷.

Об огромных трудностях, которые испытывало в те годы сельское хозяйство республики, можно судить хотя бы по следующим фактам. В 1941 г. в УзССР имелось почти 28 тыс. сельских механизаторов, а в 1942 г. — менее 3 тыс. Объем тракторных работ сократился вдвое, поставки минеральных удобрений — почти втрое и т. д.¹⁸

Однако колхозное крестьянство под руководством партийных организаций настойчиво преодолевало трудности военного времени. Несмотря на резкое сокращение рабочей силы, выработка трудодней по колхозам УзССР составила в 1943 г. свыше 427 тыс. — на 6 тыс. больше, чем в 1940 г.¹⁹, и если в 1940 г. каждый трудоспособный колхозник выработал в среднем 217 трудодней, то в 1942 г. — 248, а за 10 месяцев 1943 г. — 244²⁰. Это был прямой результат энергичной организаторской и идеологической деятельности партийных, советских и общественных организаций, растущей трудовой активности масс, широкого развития социалистического соревнования.

Большая работа велась среди женщин, составлявших в 1943 г. почти 2/3 колхозников²¹. Этой работой непосредственно руководили

¹³ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 18, д. 188, л. 136; оп. 19, д. 1001, л. 29—30.

¹⁴ Торжество ленинского кооперативного плана в Узбекистане, Ташкент, 1970, стр. 210.

¹⁵ История Узбекской ССР, Том четвертый, стр. 102.

¹⁶ Узбекистан в годы Великой Отечественной войны..., стр. 101.

¹⁷ История Узбекской ССР, Том четвертый, стр. 102.

¹⁸ См. там же.

¹⁹ Социалистическое сельское хозяйство, 1944, № 4, стр. 27.

²⁰ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 19, д. 113, л. 132.

²¹ В. А. Ордуханов. К вопросу о подготовке колхозных кадров в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны, Общественные науки в Узбекистане, 1969, № 3, стр. 42.

созданные в январе 1943 г. женские отделы при ЦК КПУз, обкомах и райкомах партии, а также заместители председателей колхозов по работе среди женщин (эта должность была учреждена летом 1943 г.). Они широко вовлекали женщин в колхозное производство, заботились о подготовке женских кадров и выдвижении их на руководящую работу, занимались культурно-политическим воспитанием колхозниц, развертыванием среди них различных форм социалистического соревнования, улучшением быта женщин, особенно жен фронтовиков, многодетных матерей, и т. д.

Уже к концу 1943 г. 3456 женщин работали заместителями председателей колхозов, свыше 60 тыс.— бригадирами и звеньевыми²². Только за 1943 г. около 12 тыс. женщин стали механизаторами (трактористами, шоферами, комбайнерами и др.)²³.

Все это способствовало преодолению трудностей военного времени, укреплению колхозного производства, решению стоявших перед ним ответственных задач.

Огромную помощь в ликвидации отставания хлопководства в республике и общем подъеме сельского хозяйства оказали ЦК ВКП(б) и Советское правительство. Широкий комплекс действенных экономических и организационно-хозяйственных мер был осуществлен в этом направлении в 1944 г.

Непреклонную решимость хлопкоробов Узбекистана выполнить свой патристический долг перед Родиной выразил I республиканский курултай колхозников-хлопкоробов (январь 1944 г.), давший клятву уже в 1944 г. обеспечить крутой перелом в хлопководстве.

Боевой программой борьбы за восстановление хлопководства стали принятые в марте 1944 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О мерах восстановления и развития хлопководства Узбекистана» и решения X (апрель 1944 г.) Пленума ЦК КП(б)Уз, наметившего конкретные меры по ликвидации отставания этой важнейшей отрасли сельского хозяйства УзССР²⁴.

Партийные, советские, хозяйственные и общественные организации сделали все, чтобы борьба за подъем хлопководства стала поистине все-народным движением в республике. Хлопковые колхозы и совхозы были укреплены в организационно-хозяйственном отношении, пополнены кадрами руководителей и специалистов, получили большое количество новой техники, запасных частей, удобрений.

Промышленность Узбекистана, рабочий класс республики рассматривали заказы сельского хозяйства как заказы фронта. Коллективы рабочих, трудящихся городов выезжали в колхозы, где участвовали в ремонте техники, проведении весенне-полевых работ, уборке урожая, налаживании культурно-политической работы среди колхозников и колхозниц.

Еще шире развернулось массовое социалистическое соревнование, движение фронтовых, гвардейских, комсомольско-молодежных бригад и звеньев. Тысячи колхозников ежедневно выполняли по 2—3 нормы и более. В авангарде соревнующихся шли сельские коммунисты и комсомольцы.

Большая организационно-политическая работа была проделана по подготовке и проведению уборочной страды. В итоге государственный план хлопкозаготовок республика выполнила досрочно, к 15 декабря

²² Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 19, д. 929, л. 3.

²³ Правда Востока, 28 ноября 1943 г.

²⁴ См. «История Узбекской ССР», Том четвертый, стр. 103, и др.

1944 г. Родина получила 820 тыс. т «белого золота» — на 325 тыс. т больше, чем в 1943 г., при урожайности 11,3 ц/га (против 7,1 ц/га в 1943 г.). При этом 980 колхозов достигли довоенного уровня урожайности хлопчатника, а свыше 2000 бригад и звеньев получили по 30 ц/га²⁵.

Таким образом, год решающих побед советских войск на фронтах Великой Отечественной войны стал годом решающих успехов в подъеме хлопководства в Узбекистане. Достижения тружеников полей были замечательным подарком к исполнвшемуся в 1944 г. 20-летию Узбекской ССР и Компартии Узбекистана.

Эти успехи были закреплены и умножены в 1945 г. Нашу Победу хлопкоробы Узбекистана отметили дальнейшим подъемом хлопководства. Страна получила в последнем военном году 824 тыс. т узбекстанского хлопка. Были выполнены также планы производства и поставок государству многих других видов продукции земледелия и животноводства.

Всего за годы войны сельское хозяйство республики дало Родине 4806 тыс. т хлопка-сырца, 54 067 т коконов тутового шелкопряда, 1282 тыс. т зерна, 482 тыс. т картофеля и овощей, 57,5 тыс. т фруктов и винограда, 36 тыс. т сухофруктов, 159 тыс. т мяса, 22,3 тыс. т шерсти и т. д.²⁶

О высоких патриотических чувствах колхозного крестьянства Узбекистана свидетельствовали также активное участие его в создании фонда обороны, сборе подарков для воинов Советской Армии, во всенародной заботе о семьях фронтовиков, эвакуированных гражданах (особенно детях), оказании продовольственной помощи населению городов, содействии восстановлению народного хозяйства в освобожденных от вражеской оккупации западных районах страны и многие другие замечательные дела тружеников колхозных полей, воспитанных нашей партией в духе беззаветной преданности социалистической Родине.

Колхозное крестьянство Узбекистана вместе с рабочим классом, всеми трудящимися республики внесло, таким образом, весомый вклад в общее дело Победы. В послевоенные годы оно проделало огромную работу по восстановлению и дальнейшему развитию социалистического сельского хозяйства, а ныне под руководством КПСС активно участвует в общенародной борьбе за выполнение исторических решений XXIV съезда партии, за победу коммунизма.

М. Адиханов

**УЗБЕКИСТОН ДЕҲҚОНЛАРИНИНГ УЛУҒ ВАТАН УРУШИ
ЙИЛЛАРИДАГИ МЕҲНАТ ЖАСОРАТИ**

Мазкур мақолада Ўзбекистон колхозчи деҳқонларининг Улуғ Ватан уруши йилларида буюк ғалабага республика меҳнаткашлари билан биргаликда қўшган улкан ҳиссаси, оммавий меҳнат қаҳрамонлиги конкрет фактик материаллар орқали очиб берилган.

²⁵ История Узбекской ССР, Том четвертый, стр. 104.

²⁶ Правда Востока, 20 марта 1946 г.

П. Х. НАСЫРОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ СОЦИАЛИЗМА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПЛАНОВОГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

XXIV съезд КПСС в своих решениях подчеркнул необходимость совершенствования планирования народного хозяйства страны, усиления планового воздействия на его развитие с помощью экономических рычагов. Это связано с дальнейшим совершенствованием товарно-денежных отношений и стоимостных категорий, ведущую роль среди которых играет плановая цена.

Советская экономика сегодня представляет собой мощное хозяйство с гигантским экономическим потенциалом. В этих условиях, как указывал Л. И. Брежнев в докладе о 50-лети образования СССР, эффективность общественного производства в решающей степени определяется качеством планирования и управления. На декабрьском (1973) Пленуме ЦК КПСС вновь было отмечено, что одна из важнейших задач — постоянное совершенствование методов планирования, экономической обоснованности планов. Ключевое место в решении этих задач занимает плановое ценообразование.

Цена — это денежная форма стоимости товара. К. Маркс писал: «...Потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован абстрактно человеческий труд»¹. Стоимость товара есть воплощение общественно необходимых затрат труда, и формируется она при условии, что «не только на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество»². Это положение, на наш взгляд, — одно из основных в марксовой теории трудовой стоимости.

В экономической литературе принято считать, что общественно необходимые затраты труда — это средние затраты труда, или так называемые предельные (замыкающие) затраты. В «Капитале» рассмотрены три случая, когда они определяются худшими, средними и лучшими условиями производства. Здесь хотелось бы подчеркнуть следующее положение: «Пусть, например, — писал К. Маркс, — хлопчатобумажных тканей произведено непропорционально много, хотя во всем этом продукте, в этих тканях реализовано лишь необходимое для этого при данных условиях рабочее время. Но вообще-то на эту особую отрасль затрачено слишком много общественного труда, то есть часть продукта бесполезна. Поэтому весь продукт удается продать лишь так, как если бы он был произведен в необходимой пропорции». Далее К. Маркс подчер-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 47.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 186.

кивал: «Ограничение проявляется здесь при посредстве потребительной стоимости»³.

Итак, стоимость формируется лишь теми затратами труда, которые необходимы, во-первых, по условиям производства, а во-вторых,— по условиям потребления. Следовательно, цена может и должна совпадать со стоимостью лишь в том случае, когда устанавливается равновесие между общественным производством и потребностями общества.

Однако такое равновесие встречается очень редко, ибо потребности общества производны от общественного производства. Но весь произведенный объем продукции реализуется так, как будто указанная пропорциональность была соблюдена. Для этого необходимо, чтобы действующие цены обеспечивали равновесие между денежным объемом произведенного продукта и платежеспособным спросом общества. Эти условия модифицируют стоимость и объективно предполагают относительно устойчивое отклонение цен от стоимости. В условиях капитализма, как доказал К. Маркс, модифицированной формой стоимости служит «цена производства», т. е. цены, обеспечивающие равную прибыль на равный капитал в любой отрасли производства.

Имеются ли объективные предпосылки, модифицирующие стоимость при социализме? Большинство экономистов отвечают на этот вопрос положительно, но высказывают различные суждения о форме модификации. Не вдаваясь здесь в подробности дискуссии о товарном производстве и действии закона стоимости при социализме, отметим лишь, что цены, на наш взгляд, и в этих условиях объективно наделены функцией обеспечения равновесия между денежным объемом произведенного продукта и платежеспособным спросом общества. Общественная собственность на средства производства и реально функционирующие товарно-денежные отношения не могут не модифицировать стоимость и в условиях социализма, а тем самым порождают систематическое отклонение цен от стоимости, подчиненное, впрочем, определенным закономерностям.

Необходимость определения роли и места плановых цен в функционировании социалистической экономики весьма актуальна. Здесь мы попытаемся рассмотреть характер воздействия системы экономических законов социализма на модификацию стоимости и механизм планового ценообразования.

Экономические процессы, как известно, обуславливаются определенными экономическими законами, действующими в единой системе. Поэтому экономические процессы в социалистическом обществе есть результат взаимодействия всех экономических законов социализма. Объективно действующие экономические законы проявляются, строго говоря, как тенденции. В этой связи для теории и практики весьма важно глубокое выявление содержания каждого экономического закона. Принципиальное значение этого состоит в том, что традиционный каузальный анализ, т. е. экономический анализ, основанный на выявлении причинно-следственных взаимосвязей, требует определенной систематизации в смысле иерархии экономических законов или весьма условной, на наш взгляд, трактовки их как субординированной системы. Вместе с тем только такой анализ позволяет в определенной мере выявить степень воздействия и взаимодействия экономических законов в единой их системе.

Взаимное перекрещивание и взаимообусловленность законов социалистической экономики проявляются в цели производства — основ-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 186.

ном экономическом законе социализма. Действие этого закона, обуславливающего цель социалистического производства и средства его достижения, предполагает в своей основе экономические отношения, позволяющие «предоставить каждому члену общества материальные и культурные блага по его растущим потребностям, индивидуальным запросам и вкусам...»⁴

Цена, косвенно выражая в своей динамике основной экономический закон, подвержена такому воздействию с его стороны, что объективно направлена к неуклонному снижению. Стало быть, основной экономический закон социализма выражается также в динамике цен и реализуется при неуклонном снижении их. В относительном повышении цен (например, на продукты животноводства или закупочных цен на хлопок-сырец и др.) на поверхности явлений выступает как бы нарушение основного экономического закона социализма. Но в действительности эти меры способствуют созданию условий для непрерывного и прогрессирующего проявления действия данного закона. Достаточно отметить, например, что в пятой пятилетке (1951—1955) среднегодовые темпы роста валовой продукции сельского хозяйства составляли 4,3%. В шестой пятилетке (1956—1960) после повышения закупочных и заготовительных цен (1953 г.) эти темпы ускорились и составили в среднем 5,8% в год.

Развитие основного экономического закона социализма, таким образом, объективно предполагает неуклонное снижение цен, но до определенных пределов, за которыми цена перестает выражать развитие этого закона.

На механизм ценообразования воздействует и закон планомерного развития народного хозяйства. Планы, как известно, разрабатываются с опережением событий. В этом и смысл планирования. Действенность его зависит от степени соответствия плана реальным условиям. Однако последние динамичны как во времени, так и в пространстве. Одно из коренных отличий экономики зрелого социализма от начальных этапов его развития состоит в гигантском усложнении и динамичности объекта планирования, во множестве иерархических подразделений, прямых и обратных связей. Бесперывное изменение ситуаций, будь то в историческом, политическом, социальном или технико-экономическом аспектах, требует корректировки планов, что вполне закономерно. Значит, абсолютная централизация и требование неизменности условий производства, как абстрактные условия разработки и реализации планов, вступают в противоречие с динамичностью реальных условий производства. Поэтому корректировка ранее разработанных планов — это объективная необходимость, не противоречащая планомерному характеру социалистического воспроизводства.

Цена, будучи орудием плана и обслуживая собственно закон планомерного развития, должна быть величиной постоянной на планируемый период. Но длительная устойчивость цен лишает план ориентира при изменившихся условиях, а подвижность цен затрудняет реализацию стабильных планов. Парадокс взаимодействия закона планомерного развития и цен состоит, таким образом, в противоположных тенденциях: стабильность и подвижность цен — необходимые условия осуществления этого закона.

Отметим, что цена влияет на реализацию планов не только своей неизменностью или подвижностью, но и величиной. Например, в 1935 г. повышение цен на хлопок-сырец обусловило увеличение его урожайности

⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1972, стр. 64.

вдвое всего за четыре года⁵. Повышение закупочных цен на зерно и введение 50% надбавки за сверхплановую продажу пшеницы и ржи в 1965 г. также вызвали резкий рост урожайности зерновых⁶. Разумеется, здесь проявлялось и действие других факторов.

В свое время задерживалось внедрение хлопкоуборочной техники, главным образом в силу низких закупочных цен на хлопок шпиндельного сбора. Колоссальная экономия общественного труда, потенциально заложенная в механизации трудоемких процессов хлопкоуборочных работ, оставалась в определенной мере нереализованной. Решением правительства закупочные цены на хлопок машинного сбора были повышены, результаты не замедлили сказаться как на темпах сбора урожая, так и в экономии общественного труда.

Итак, цена в процессе реализации закона планомерного развития должна обладать качествами стабильности и достаточной подвижности, во-первых, а, во-вторых, величина ее в каждый период не должна выходить за определенные рамки.

Механизм ценообразования активно взаимодействует и с законом соответствия производственных отношений производительным силам. Принцип обратной связи — одно из необходимых условий управления сложными системами, к каковым относится и экономика развитого социализма. Цене органически присуща функция «информатора», передающего реакцию агентов производства на ту или иную директиву высшего звена. Воздействуя на величину цены, т. е. повышая или понижая ее, можно обеспечить соответствующую реакцию агентов производства на ход выполнения этих директив. Цена, тем самым, выполняет своеобразную роль «регулятора с обратной связью»⁷.

В Программе КПСС зафиксировано, что «цены должны во все большей степени отражать общественно необходимые затраты труда, обеспечивать возмещение издержек производства и обращения и известную прибыль каждому нормально работающему предприятию»⁸. На это и нацелена, в частности, проведенная в 1966—1967 гг. реформа оптовых цен⁹. Характерно, что независимо от развития сравнительно молодой науки об управлении сложными системами — кибернетики, централизованный план и хозрасчет с первых же лет Советской власти развивались именно в этом направлении.

Важную, если не ведущую, роль в процессе приведения производственных отношений в соответствие с уровнем развития производительных сил призваны играть экономические методы руководства народным хозяйством. Проводимая ныне хозяйственная реформа предполагает такое развитие системы управления экономикой страны, когда любое нарушение плана-директивы будет противоречить материальным интересам самих же агентов производства. Дальнейшее развитие хозрасчета и нацелено на решение этой задачи.

Выступая связующим звеном процесса планирования и его реализации, механизм цен должен совпадать с механизмом хозрасчета. Плановая цена, стало быть, призвана согласовать хозрасчет с планом.

⁵ Д. Д. Кондрашев. Ценообразование, М., 1971, стр. 94.

⁶ Г. Р. Романченко. Закупочные цены — рычаг управления производством, М., 1973, стр. 28.

⁷ Подробнее см.: Н. П. Федоренко. Система оптимального функционирования экономики, М., 1968; В. В. Новожилов. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании, М., 1972; Стаффорд Бир. Кибернетика и управление производством, М., 1963.

⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 90.

⁹ Подробнее см.: А. Н. Коми. Проблемы планового ценообразования, М., 1971, стр. 105—147.

Закон соответствия производственных отношений производительным силам воздействует на цену таким образом, что последняя объективно должна использоваться в качестве «регулятора с обратной связью», обеспечивающего в конечном итоге условия для эффективного управления социалистической экономикой.

В механизме ценообразования проявляется и действие закона экономии труда (времени). При социализме «экономия времени... остается первым экономическим законом на основе коллективного производства»¹⁰.

Экономия труда выступает критерием эффективности общественного производства, а показатели последней в основном стоимостные. Поэтому цена выступает одной из форм движения закона экономии труда, и она должна обладать достаточной «информацией» для объективного выражения критерия эффективности общественного производства.

Несоответствие цен реальным затратам и результатам производства лишает критерия и ориентира в эффективном распределении производительных сил. Неверное отражение в ценах реальных затрат и результатов может привести к тому, скажем, что 1 руб. капитальных вложений и 1 руб. продукции или услуг, произведенных в результате освоения этих вложений, будут скрывать за собой неодинаковые затраты и результаты, что приведет, в свою очередь, к неэффективному направлению капитальных вложений. Так, установлено, что методологические изъяны в процессе франкирования цен (тарифов) на перевозку хлопчатково-мажорной промышленности¹¹.

Таким образом, цена, обусловливаемая динамикой закона экономии труда, должна совпадать и объективно выражать реальные затраты и результаты общественного производства. В противном случае она может оказать отрицательное влияние на механизм использования системы экономических законов социализма.

Главные направления воздействия основного экономического закона, закона планомерного развития, закона соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил, закона экономии труда (времени) на формирование плановых цен можно распространить на всю систему экономических законов социализма. И во всех случаях будет наблюдаться тенденция цен к эластичности и подвижности. При этом, действуя в системе экономических законов социализма и находясь под решающим их воздействием, цена способна в определенных условиях порождать противоречия неантагонистического характера в использовании этих законов.

В этой связи возникает вопрос о степени приспособления цены к требованиям объективных экономических законов. В сущности, это и есть проблема роли и места плановых цен в эффективном функционировании социалистической экономики, проблема функций плановых цен.

В экономической литературе обычно выделяются следующие функции плановых цен: «общественно-учетная (планово-учетная)», «перераспределительная», «стимулирующая» и «компенсирующая (спрос и предложение)». При этом общественно-учетная функция считается главной. Встречаются утверждения, что функции цен противоречивы и нарушают соответствие цен товаров их стоимостям, а тем самым, мол, парализуют

¹⁰ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IV, М., 1935, стр. 119.

¹¹ И. И. Искандеров. О совершенствовании методологии оценки эффективности хлопкового комплекса, Тезисы докладов и выступлений на Всесоюзной конференции «Оптимизация развития народнохозяйственного хлопкового комплекса», Ташкент, 1973.

главную — общественно-учетную функцию цен. Однако, характеризуя стоимость как точку равновесия общественно необходимых затрат труда по условиям производства и потребления, нетрудно заключить, что противоречия в функциях цен нет. Нам представляется, что главная причина надления плановых цен отмеченными выше функциями заключается в том, что в условиях общественной собственности на средства производства (что объективно предполагает развитие экономики на основе единого централизованного плана) и реально функционирующих товарно-денежных отношений (что не может не порождать явлений, подчиненных собственным законам и в отдельных случаях противоречащих цели социалистического производства) на практике осуществляется двойное итерирование процесса приведения цен к стоимости. Поэтому противоречие заключается, на наш взгляд, не в самих функциях цен, а в сочетании этих функций, в степени соответствия того или иного сочетания объективному процессу формирования стоимости. Констатировать противоречие функций цен мы можем лишь в той мере, в какой достигнутое на практике их сочетание не соответствует реальному процессу формирования стоимости.

Социалистическая система в своей основе объективно является самооптимизируемой системой. Это результат взаимодействия экономических законов социализма. Поэтому уровень познания их и выработанная на этой основе экономическая политика характеризуют степень оптимальности в развитии социалистической экономики. Нет законов «плохих» и «хороших», ибо они объективны. Однако нарушения этих законов порождают мнимое противоречие между их проявлениями и целью социалистического производства, равно как нарушения в степени сочетания функций цен вступают в противоречие с необходимостью приведения цен к общественно необходимым затратам труда.

Эмпирически, методом проб народное хозяйство страны шаг за шагом развивалось в направлении оптимизации. В том же направлении развивалось и плановое ценообразование. На современном этапе, на наш взгляд, задача состоит в том, чтобы на базе марксистско-ленинской экономической мысли ускорить этот процесс, опираясь на достижения кибернетики, теории систем, бионические принципы самоорганизации, теорию оптимального функционирования экономики.

Стратегическая задача в области совершенствования планового ценообразования определена XXIV съездом КПСС: «Цены — это мощный рычаг экономического управления в руках социалистического государства, и мы должны пользоваться им умело и эффективно»¹². Поэтому плановая цена, достаточно точно выражая общественно необходимые затраты труда, должна выполнять, как нам представляется, единственную, но универсальную функцию «регулятора с обратной связью». Именно это позволит успешно использовать цены в качестве мощного рычага развития экономики зрелого социалистического общества, строящего коммунизм.

П. Х. Насыров

СОЦИАЛИЗМИНГИ ИҚТИСОДИЙ ҚОНУНИЯТЛАРИ ВА ПЛАНИ НАРХНИ ВУЖУДГА КЕЛТИРИШНИ ШАҚЛЛАНТИРИШ

Иқтисод фани ва практикасининг муҳим проблемаларидан бирига бағишланган ушбу мақолада социализм иқтисодий қонуниятлари системасининг планли нарҳни вужудга келтириш механизмига таъсир қилиш характери кўрилади.

¹² Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 171.

А. ЮЛДАШЕВ

О НАУЧНОМ УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Духовная культура как общественно-историческое явление всегда занимала и занимает важное место в жизни любого общества, выступая одним из главных факторов его развития.

Научный взгляд на роль и сущность культуры выработала марксистская социология, рассматривающая духовную культуру социалистического общества как управляемый процесс.

В. И. Ленин в своих произведениях «О кооперации», «О нашей революции», «Странички из дневника», «Задачи союзов молодежи» и других работах всесторонне обосновал предпосылки, сущность и содержание, основные направления руководства развитием социалистической культуры.

Претворяя в жизнь ленинские заветы, КПСС и Советское государство в ходе строительства социализма накопили богатейший опыт управления развитием многонациональной социалистической культуры, имеющий огромное международное значение.

Современный этап коммунистического строительства характеризуется дальнейшим расцветом духовной жизни советского общества и вместе с тем совершенствованием научных основ руководства культурным строительством. В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул: «Великое дело — строительство коммунизма невозможно двигать вперед без всестороннего развития самого человека. Без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей коммунизм невозможен, как невозможен он и без соответствующей материально-технической базы»¹.

Все это требует усиления теоретических исследований проблем научного управления в сфере духовной культуры, вызывающих пристальное внимание наших социологов, государствоведов, теоретиков культуры.

Вопросы управления духовным развитием социалистического общества широко обсуждались на состоявшемся в Ташкенте в мае 1970 г. Всесоюзном симпозиуме «Ленинизм и развитие социалистической культуры». По итогам симпозиума издан коллективный сборник². У нас

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 83.

² См.: «Ленинизм и развитие социалистической культуры», Ташкент, 1971 (А. И. Арнольдов. Ленинизм и проблемы научного руководства развитием культуры; Л. Н. Коган. Культурная среда и роль ее изучения в управлении культурой; Х. Пулатов. К проблеме управления духовной жизнью социалистического общества; Э. Л. Васина. О некоторых особенностях научного руководства в сфере духовной культуры; И. А. Конников. Ленинские принципы руководства развитием науки (О преемственности в развитии науки); К. И. Курбанов. Научно-технический прогресс и система управления в области культуры, и др.).

возникла и сформировалась новая область философского знания — теория управления духовной культурой. Научно-теоретическим и методологическим принципам в области научного руководства развитием культуры посвящен ряд работ³.

Объектом исследования служат сами понятия «научное управление обществом», «управление духовной культурой». Эти понятия близки, органически и диалектически связаны между собой, но не идентичны. Понятие «научное управление обществом» гораздо шире понятия «управление духовной культурой». Принципы научного управления процессами культуры вытекают из принципов научного руководства развитием социалистического общества в целом.

Теория управления развитием культуры изучает общие научные основы, субъекты, объекты, принципы и организацию научного руководства развитием культуры социалистического общества, определяет главные направления ее дальнейшего планомерного развития.

Как справедливо отмечает Х. Пулатов, «управление духовной жизнью, как одна из важнейших сфер коммунистического строительства, формируется на стыке самых молодых наук современности — науки теории культуры и науки социального управления»⁴.

Познание закономерностей управления духовной жизнью вообще, научного руководства развитием процессами культуры в частности, сложнее, чем познание закономерностей экономического порядка. А. И. Арнольдov правильно подчеркивает, что «научное руководство и управление процессами культуры значительно отличается от управления, скажем, экономикой, ибо сфера духовной жизни общества неизмеримо более сложна, она охватывает такие интеллектуальные феномены, такие глубинные явления во внутреннем мире человека, что попытка решить все однозначной формулой, волевым актом и т. д. оборачиваются (и опыт, увы, это как нельзя лучше подтверждает) определенными негативными явлениями»⁵.

Управление духовным развитием предполагает наличие определенной социальной организации, которая выступает как субъект управления. Разграничение субъекта и объекта в управлении относительно. Организация, выступающая в качестве субъекта управления, является, в свою очередь, объектом управления. И прав В. Г. Афанасьев, утверждая, что «между объектом и субъектом нет абсолютных граней: система, будучи субъектом управления по отношению к данному объекту, сама является объектом или одним из элементов объекта, управляемого другим объектом»⁶.

Марксистско-ленинская социология учит, что процессы управления культурным развитием социалистического общества должны осуществляться под руководством Коммунистической партии и Советского государства. В. И. Ленин неоднократно указывал, что развитие культурной жизни не может быть стихийным в условиях социализма. В беседе с Кларой Цеткин он говорил: «...Мы — коммунисты. Мы не должны

³ См.: А. И. Арнольдov. Создание социалистической культуры — научно-управляемый процесс; А. Ф. Шарова. Об управлении процессами развития духовной культуры, в сб. «Теоретические проблемы социального управления», М., 1968; Л. Н. Коган. Некоторые методологические принципы планирования духовной культуры при социализме, М., 1970, и др.

⁴ Х. Пулатов. XXIV съезд КПСС и вопросы управления духовной жизнью советского общества, *Общественные науки в Узбекистане*, 1971, № 7, стр. 3.

⁵ А. И. Арнольдov. Социалистическая культура: теория и жизнь, в кн. «Идеологическая борьба и современная культура», М., 1972, стр. 59.

⁶ В. Г. Афанасьев. Научное управление обществом (Опыт системного исследования), изд. 2-е, доп., М., 1973, стр. 158.

стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты»⁷.

Руководствуясь ленинскими указаниями, Коммунистическая партия как высший тип политической организации советского общества управляет его экономическим и духовным развитием как непосредственно, так и через все звенья социального организма сверху донизу — по линии местных Советов депутатов трудящихся и министерств, ведомственных учреждений и общественных организаций.

Социалистическое государство принимает необходимые законодательные акты и определяет основные направления развития культуры в интересах трудящихся, опираясь на их творческую инициативу. Широкие массы все активнее привлекаются к управлению делами общества и государства, в том числе к руководству развитием культуры. Как правильно отмечает О. Н. Альтерович, в условиях развитого социализма «расширяются реальные возможности трудящихся в управлении и руководстве культурным строительством. С одной стороны, с ростом благосостояния, увеличением свободного времени, ростом культуры народа, укреплением материальной базы учреждений культуры и постепенной ликвидацией диспропорций в их размещении возрастают реальные возможности трудящихся пользоваться своими политическими и социальными правами. С другой стороны, эти возможности возрастают на основе совершенствования старых и развития новых форм привлечения масс к руководству культурным строительством»⁸.

Вовлечение масс в управление процессами культурного строительства — это сложный и многогранный процесс, который зависит от целого ряда факторов. Одни из них создаются объективным ходом социалистического строительства, другие зависят от самих людей, их энергии, разума, творческой инициативы в решении поставленных задач.

Творческая активность масс в управлении духовным развитием общества есть динамичный, многостепенный процесс. Он становится все более интенсивным, обретает все новые грани в ходе строительства коммунизма и, в свою очередь, содействует успешному решению этой грандиозной задачи, ускоряет формирование коммунистического общественного самоуправления, «создание всех необходимых идеологических и культурных условий для победы коммунизма»⁹.

Планомерное повышение материального благосостояния масс, их культурно-технического и общеобразовательного уровня, успехи коммунистического воспитания трудящихся, увеличение свободного времени, растущее участие трудящихся в управлении делами общества создают новые объективные предпосылки для дальнейшего развития социалистической демократии, роста общественно-политической активности масс — одного из необходимых условий формирования общественного коммунистического самоуправления.

В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что «вопросы управления затрагивают не только узкий круг руководителей и специалистов, но и все партийные, советские, хозяйственные организации, все коллективы трудящихся»¹⁰.

Интересы общества и государства требуют, чтобы руководство духовным развитием осуществлялось на строго научных, плановых нача-

⁷ В. И. Ленин о литературе и искусстве, изд. 3-е, М., 1967, стр. 663.

⁸ О. Н. Альтерович. Культурное строительство — дело миллионов (Опыт социального исследования), М., 1969, стр. 192.

⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1972, стр. 129.

¹⁰ Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 65.

лах. Как справедливо отмечает А. Ф. Шарова, «распределение духовных ценностей в различных районах должно быть плановым, чтобы не только удовлетворять потребности трудящихся, но и стимулировать их дальнейшее развитие»¹¹.

В свою очередь, выполнение планов культурного развития требует как всемерного расширения демократических основ управления, так и совершенствования централизованного руководства культурным строительством.

Основными принципами научного управления развитием духовной культуры являются:

- 1) политическое руководство Коммунистической партии в управлении духовной жизнью общества;
- 2) государственное руководство строительством социалистической культуры;
- 3) развитие культурного строительства на плановых началах;
- 4) широкое вовлечение трудящихся в управление и осуществление культурного строительства.

Главная цель планомерного культурного строительства — максимальное удовлетворение растущих культурных потребностей, духовных запросов трудящихся, активное влияние на характер и направленность этих запросов, воспитание высокой культуры потребления духовных ценностей, формирование нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство, как это предусмотрено программными положениями КПСС.

А. Иўлдошев

МАЪНАВИЙ МАДАНИЯТ РИВОЖИНИ ИЛМИНИ БОШҚАРИШ ҲАҚИДА

Мақолада баркамол социалистик жамиятда маънавий маданият тараққиётини илмий бошқаришдаги тушунча ва моҳият сингари масаланинг актуал назарий ва амалий аспекти қисқача кўриб ўтилади.

¹¹ А. Ф. Шарова. Об управлении процессами развития духовной культуры, в сб. «Теоретические проблемы социального управления», М., 1968, стр. 196.

О. Д. ЧЕХОВИЧ

К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

Проблема внутреннего строя городов Средней Азии феодального времени поднималась неоднократно. Для выяснения особенностей среднеазиатских и переднеазиатских городов, их отличия от городов Запада привлекалось много источников. При этом отсутствие сведений об общегородском самоуправлении рассматривалось как свидетельство своеобразия их социальной структуры по сравнению с некоторыми северно-русскими и западноевропейскими городами, такими, как Новгород, Псков, Гамбург, Флоренция, Генуя и другие, где, как известно, существовали городские феодальные республики. Полагая, что в Средней Азии и других странах Переднего Востока подобных городских республик и даже органов общегородского самоуправления в период феодализма не было, причину такого своеобразия среднеазиатских и переднеазиатских городов искали в характерном для Ближнего Востока господстве в городах феодалов-землевладельцев, которые не вели крупного барщинного хозяйства в сельских местностях, сдавали свои земли в издольную аренду, а сами жили в городах и были тесно связаны с купечеством, городской и международной торговлей.

Впервые эта точка зрения была высказана еще в 40-х годах: «В Иране, как и во всей мусульманской Передней и Средней Азии, не развилось городское самоуправление, городское право и городские учреждения, подобные строю самоуправляющихся русских городов типа Новгорода, Пскова и городов-коммун в Западной Европе в поздние средневековье»¹.

В дальнейшем такое же заключение вошло в текст «Всемирной истории»: «Так же как на всем Ближнем и Среднем Востоке, в Средней Азии не было общегородского самоуправления. Власть в городах, служивших местопребыванием общегосударственных и местных правителей, оставалась в руках феодалов. Самоуправление существовало только в рамках отдельных корпораций (ремесленных, купеческих и духовных) и городских кварталов, имевших своих выборных старшин»².

Более подробное обоснование того же тезиса содержится в коллективном труде «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века»³.

Не имея в виду рассмотрения этой концепции в целом, мы коснемся здесь лишь вопроса о городском самоуправлении и приведем факты,

¹ Советское востоковедение, V, М.—Л., 1948, стр. 110.

² См. «Всемирная история», т. III, М., 1957, стр. 475.

³ И. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века, Л., 1958, стр. 138—139, 286—287.

доказывающие, что отсутствие его было характерно не для всех городов Средней Азии. По крайней мере, в Ташкенте и г. Туркестане в XVIII в., в некоторых других городах того же времени, сербедарских и «сейидских» городах XIV в., Пайкенде и Искиджкате X в. общегородские самоуправления, по-видимому, существовали⁴. Что касается Ирана XVII в., то сведения Кемпфера, приведенные в коллективной «Истории Ирана», едва ли могут рассматриваться как доказательство отсутствия там общегородского самоуправления, скорее наоборот.

Общегородское самоуправление в Ташкенте и г. Туркестане в XVIII в. и их независимость от ханств были замечены давно. Еще Николай Минёр, живший в Средней Азии в 1721—1724 гг., называл Ташкент, а также Кашгар, Маргелан, Андижан, Балх и Бадахшан «вольными городами»⁵. О самоуправлении Ташкента и Туркестана подробно сообщали Нур Мухаммад Алимов, приезжавший из Ташкента в Россию в 1735 г.⁶, Карл Миллер, побывавший в Ташкенте в 1739 г.⁷, М. Нурлин, И. Чулпанов⁸ и Ш. Арсланов⁹. Русский историк П. И. Рычков обратил внимание на то, что в Ташкенте правили сами горожане и что они — «вооруженные люди»¹⁰.

Н. Г. Маллицкий писал: «Население Ташкента чаще всего было предоставлено самому себе. Ремесленники, сложившиеся в крепкие цеховые организации, земледельцы и торговцы сообща ведали общественные дела. В эту-то эпоху¹¹, надо полагать, особенно укрепились и развились в Ташкенте, этом «Гамбурге» Средней Азии, по выражению русских официальных документов середины XIX столетия, те замечательные муниципальные нравы большого торгового и промышленного города, о которых говорят русские источники XVIII и XIX столетий. Правда, Ташкент редко пользовался самостоятельностью, подчиняясь то бухарским эмирам, то киргизским¹² ханам, то (впоследствии) Кокандскому ханству, но зависимость эта была часто эфемерная, а иногда и прямо номинальная»¹³. В другой статье Н. Г. Маллицкий писал: «Во второй половине прошлого (XVIII.—О. Ч.) столетия Ташкент, фактически не зависевший ни от Бухары, ни от начинавшего усиливаться Коканда, управлялся ходжами»¹⁴.

⁴ См.: А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 150; М. Наршахи. История Бухары, изд. Ш. Шефера, Париж, 1892, стр. 12; пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 20—21; И. Кириллов. Проект построения Оренбурга с высочайшей резолюцией, Полное собрание законов Российской империи, т. IX, 310, док. 138.

⁵ См.: А. Попов. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом, Записки РГО, т. IX, СПб., 1853, стр. 388—389.

⁶ См. «Материалы по истории России, сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края в 1735 и 1736 годы», т. II, Оренбург, 1900, стр. 55—65.

⁷ См.: Я. В. Ханьков. Примечания к статье: «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент», Вестник РГО на 1851 г., ч. I, кн. I, СПб., 1851, стр. 53—56.

⁸ Там же, стр. 54.

⁹ ЦГАДА, фонд «Сенатские книги», № 136, л. 185—200.

¹⁰ См. «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым», часть первая, СПб., 1762, а также: П. И. Рычков, История Оренбургская. 1730—1750, под ред. и с прим. Н. М. Гутьяра, Оренбург, 1896, стр. 40.

¹¹ XVIII в.

¹² Казахским.

¹³ Н. Г. Маллицкий. Ташкент (Исторический очерк), Известия Ташкентской городской думы, 1915, № 2, стр. 82.

¹⁴ Н. Г. Маллицкий. Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие, Туркестанские ведомости, 1898, № 88.

В. В. Бартольд установил, что уже в 1709 г. власть в Ташкенте действительно принадлежала ходжам (аристократическому сословию, возглавлявшему общегородское самоуправление). Позднее в городе были и ханы. Около 1740 г. ташкентцы убили в мечети хана Джулбарса; в 1747 г. правителем у них был Бахадур-бек (или Бахадур-фарман). «По-видимому, он враждовал с ходжами,— пишет В. В. Бартольд,— в 1749 г. он был убит, после чего ташкентские ходжи разграбили имущество его родственников»¹⁵.

Как удалось установить, эти сведения почерпнуты В. В. Бартольдом из трех среднеазиатских источников: «Убайдуллах-наме» Мир Мухаммада Амина Бухари, «Тухфат ал-хани» Мухаммада Вафа Карминаги и «Мунтахаб ат-таварих» Мухаммада Хаким-туры, а также из ряда сообщений российских посланцев, побывавших в Ташкенте того времени. Мы приведем в оригинальном тексте и переводе соответствующие данные среднеазиатских источников, что позволит убедиться в недвусмысленном характере их сведений.

В «Убайдаллах-наме» о событиях 1709 г. написано следующее:

... از جانب خواجگان صوبه تاشکند بپایه سریر خلافت مصیر خبر آمد که کفره شوم قلیماق مانند سیل بر سر اول قزاق آمده تاخت نمود چون برق یاد گشته بطرف یورت خویش مراجعت نموده است باوجود اینمراتب پادشاه عالم را چندانی اطمینان خاطر نبود لا جرم عبدالرحیم خواجہ برادر قرا بہادر خواجہ سید انابی را کہ فرقه قزاق پیر خودہا دانستہ اخلاص تمامی دارند وعدہ نقیبی بارگاہ را باو دادہ بولایت تاشکند فرمود و بخانان قزاق و خواجگان تاشکند عنایت نامیا و خلعت شایستہ و اسپان تازی بمصحوب خواجہ مشارلیہ روانہ نمودند

«[В 1709 г.]... к подножию престола правления [бухарского хана Убайдаллаха] пришло известие от ходжей Ташкентской области о том, что неверные, злополучные калмыки, как селевый поток, устремились на аулы казахов, напали на них и молниеносно возвратились в свой юрт. Несмотря на то, что на этот раз [они ушли], падишах мира [Убайдаллах] не был спокоен и послал в Ташкентский вилайат Абдаррахим-ходжу, брата Кара-бахадур-ходжи Сейит-атайи, которого племена казахов искренне почитают, считая своим пиром. [За исполнение этой миссии бухарский хан] пообещал ему должность придворного накиба. С указанным ходжой он послал казахским ханам и ташкентским ходжам милостивые письма, соответствующие халаты и арабских коней»¹⁶.

Из этого отрывка видно, что бухарский хан Убайдаллах (1702 -- 1711), узнав о появлении калмыков не от казахских ханов, чьи аулы подверглись набегу, а непосредственно от ташкентских ходжей, ответные письма и подарки отправил в два адреса — казахским ханам и ташкентским ходжам. Таким образом, было признано самостоятельное правление в Ташкенте ходжей и их право вести сношения с иностранным государством, независимо от казахских ханов. Так как в источнике говорится о ходжах «Ташкентской области», заключение В. В. Бартольда, что ташкентские ходжи имели власть в своем городе, можно рас-

¹⁵ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 277.

¹⁶ Мир Мухаммад Амин Бухари Убайдаллах-наме, тадж. рукопись начала XVIII в., хранящаяся в ИВ АН УзССР, инв. № 1532, л. 147 б; рус. пер. А. А. Семенова, Ташкент, 1957, стр. 166—167.

ширять в том смысле, что они управляли городом и принадлежавшей ему областью. Как мы покажем ниже, это подтверждается и русскими источниками.

Следующий источник В. В. Бартольда «Тухфат ал-хани» гласит: چون اجمالی در خاتمه کار عبادالله خطای در ولایت تاشکند گذشت که حاکم آن ولا بعد از روزی چند از قتل عبادالله او نیز در محاربه بعضی از قلاع بجانب دار الجزا متوجه شد جواجگان تاشکند آتش غارت و تاراج در خان و مان آورده اتباع او را منتشر و پریشان کردند بنابر آنکه حاکم تاشکند با توره قلیماق صورت متابعت و انقیاد داشته بواسطه او بانولا مسلط بود برادر او فرمان استغاثه بخان مغول برده

«Как было сказано при описании конца дела Ибадаллах-хитая в вилайате Ташкент, правитель той области [Бахадур-бек] через несколько дней после убийства Ибадаллаха тоже был отправлен на тот свет во время битвы за какую-то крепость. Ташкентские ходжи пустили его имущество на поток и разграбление и разогнали его людей. Поскольку правитель Ташкента подчинился калмыкскому туру и властвовал в той области при его посредстве, его брат Фарман обратился за помощью к хану моголов»¹⁷.

Отсюда ясно, что слова В. В. Бартольда о вражде правителя с ходжами можно пояснить: по-видимому, пунктом разногласий между правителем и ходжами, выступавшими от имени всех горожан, был вопрос о вассальной зависимости Ташкента от калмыков, с помощью которых правитель пытался удержаться на своем посту. Ташкентцы уничтожили правителя и его людей, чтобы восстановить независимость и полное самоуправление.

Такое толкование подтверждается показаниями следующего источника — «Мунтахаб ат-таварих»:

... در آن اوان بهادر فرمان که از خانان چنگیز بود در ولایت تاشکند فرمان فرمایی میکرد چون از دار فنا بدار بقا رحلت نمود حکومت ولایت تاشکند بدست خواجها افتاد هر کدام بتور خود کوس امارت میزدند بعد از محاربات بسیار بمددخان خواجه به سیادت پناهی یونس خواجه قرار گرفت

«В те времена [XVIII в.] вилайатом Ташкента правил Бахадур-фарман, происходивший из ханов-чингизидов. Когда он переселился из дома тленности в мир вечности», управление Ташкентским вилайатом попало в руки ходжей. Из них каждый по-своему бил в барабан начальствования; после многих междоусобиц с помощью Хан-ходжи [город] успокоился, [избрав правителем] Юнус-ходжу, происходящего из сейидов»¹⁸.

Сведения В. В. Бартольда о пребывании в Ташкенте казахского хана Джулбарса и его убийстве ташкентцами около 1740 г. основаны на показаниях поручика К. Миллера, ездившего в Ташкент по поручению русского начальства в 1738—1739 гг. Сведения К. Миллера были подтверждены письмом, привезенным поручиком Гладышевым от переводчика Мухаммада Нурлина, а также показаниями Ивана Чулпано-

¹⁷ Мухаммад Вафа Карминаги, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 16, л. 1606—161 а

¹⁸ Мунтахаб ат-таварих, соч. Мухаммада Хаким-туры, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 592, л. 363 а, б.

ва — русского капрала, находившегося в Ташкенте в качестве пленного, и Шибая Арсланова, вятского купца, ездившего в Ташкент в 1742 г. Важнейшая часть сообщений К. Миллера и его спутников касается вопроса о городском управлении в Ташкенте:

«Правительство в городе прежде тутошние граждане содержали, но потом усилились над ними Большой орды киргиз-кайсаки и ханы той орды во оный город для житья часто приезжают». «Правители [в Ташкенте] бывают по одному, по выбору всего города обывателей»¹⁹.

На вопрос о том, как было организовано ташкентское самоуправление, существовали ли здесь городское право и городские учреждения, подробно отвечают два источника: рассказ Нур Мухаммада Алимова, записанный русским чиновником в Уфе в 1735 г., и «Сказание о Ташкенте», обнаруженное нами в «Та'рих-и джадиде-йи Ташканд» Мухаммада Салиха Ташканди.

Рассказ Нур Мухаммада Алимова издавался дважды²⁰, поэтому мы не будем приводить весь его довольно пространный текст; заметим только, что русский чиновник, записавший показания Нур Мухаммада, употребил для обозначения высшего органа ташкентского самоуправления знакомый ему европейский термин «магистрат», а его местопребывание — внутренний город — назвал Кремлем. Членов «магистрата» он называет «градодержателями».

Нур Мухаммад мулла Алимов, ташкентский купец, родственник одного из «главных градодержателей» Ташкента, Ашир-бая, был послан в Казахстан и Россию, чтобы разузнать, на каких условиях казахские жузы присоединяются к России. «Послано было с ними от магистрата письмо за магистратскою печатью». О составе «магистрата» и его функциях Нур Мухаммад сообщил следующее: «Градские их держатели или первые магистратские пять человек: Ашир-бай, Ханкельды-батыр, мулла Мухаммад-Баки, Мулла Аваз-Батыджан, Турсум-бай чармгар... Градодержателей или магистратских членов главных всех десять человек, в том числе и вышеписанные; они живут в Кремле у ворот Кукча ж и всякие главные дела судят, и посылают от себя в другие орды с ведомо и без ведомо ханов своих. А для прочих судебных дел у всяких Большого города ворот определены по одному старшине, кои тут судят и всякую расправку делают, все на словах, ссыкивая правды, а чего рассудить не могут, спрашиваются с первым духовным Ахуном, который разбирает по Китабу, то есть Корана по судным главам. И власть имеют казнить городских жителей, не спрашиваясь с ханом, а к хану отсылают только винных кайсаков».

В начале и во второй половине XVIII в. ханов в Ташкенте не было. Но и в те годы, когда они были, их власть была сильно ограничена горожанами, о чем свидетельствуют следующие слова Нур Мухаммада: «После калмыцкой войны Жолбарс-хан по-прежнему в Ташкенте принят..., а в Кремль ханов никогда не впускают, да и сами ханы не входят, боясь, чтобы не засадили... К сборам [податей] определяют казахи своих сборщиков, а Ташкентский магистрат, также и Туркестанский, дают от себя во все города старшин, чтобы при них собирали и никаких обид не делали; однако ж казахи многих побивают до смерти, но,

¹⁹ Подлинный отчет К. Миллера до сих пор в архивах не обнаружен. П. И. Рычков и Я. В. Ханыков использовали показания К. Миллера и др., записанные с их слов по возвращении в Россию (см. упомянутые выше их работы, особенно: Я. Ханыков. Указ. статья, стр. 54).

²⁰ Материалы по истории России, стр. 55—65; А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем, Ташкент, 1912, стр. 14—19

на то не смотря, права своего не теряют, новых, выбирая, посылают, а об убитых от ханов никакой управы получить не могут».

Из показаний Нур Мухаммада мы узнаем, что к Ташкенту относилась целая область по р. Чирчик, где было свыше десяти небольших городков, окруженных стенами; среди них перечисляются Чилак, Хандалак, Намданак, Паркент, Заткент, Сайрам и др. Далее говорится, что и в г. Туркестане горожане сами «по примеру ташкентскому градские дела управляют», что к Туркестану относятся 16 городков «и при них другие мелкие местечки или деревни».

Принадлежавшее горожанам право суда и система его организации освещены в показаниях Нур Мухаммада. Даже к смертной казни городской суд приговаривал, не нуждаясь в санкции ханов. Высшим судебным авторитетом был ахун, духовное лицо. Наиболее важные дела разбирались высшей судебной палатой во внутреннем городе, у ворот Кукча. По менее крупным делам судили старшины, сидевшие возле всех 32 ворот внешнего города.

Тот же источник сообщает, что горожане Ташкента имели свою организацию обороны. Город был окружен мощной стеной, по верху которой можно было ездить на лошадях по двое в ряд. Говорится, что в случае внешней опасности «караульщики по стене скачучи, кричат, дабы к обороне были готовы». Напомним, что, по сведениям П. И. Рычкова, ташкентские горожане были «вооруженными людьми».

Как свидетельствует Нур Мухаммад, казахские ханы в его время, т. е. в тридцатых годах XVIII в., получали ясак (подать) со всех городков, подчиненных Ташкенту, или уступали право на сбор ясака своим помощникам. Но само взимание налогов находилось под контролем представителей Ташкентского «магистрата», т. е. самоуправления горожан. Очень важно указание на право горожан контролировать сбор налогов по всей области (с оседлого населения). В приведенных выше показаниях Нур Мухаммада ярко отражена доходившая до кровопролития борьба горожан против самоуправства казахских сборщиков. В словах источника ясно прозвучала жалоба представителя города на нарушение ханами городского права.

Вопрос о том, для чего же в таком случае ташкентцы «принимали» ханов, ясен ввиду обилия уже исследованных источников, характеризующих караванную торговлю между Средней Азией, Казахстаном, Россией. Ташкентские караваны шли через кочевые степи и нуждались в охране. Горожане были согласны отдавать часть налогов тем ханам, которые были в состоянии ограждать караваны и обработанные земли от нападений. Кроме того, нужно учесть, что в 1723—1749 гг. город был принужден подчиняться джунгарам (калмыкскому государству) и их вассалам — казахским ханам.

«Сказание о Ташкенте» — второй из основных наших источников, подробно рассказывающий о ташкентском городском самоуправлении во второй половине XVIII в.²¹ Эта часть сочинения Мухаммад Салиха, сохранившаяся в виде полужачеркнутой вставки, несомненно заимствованной из более раннего источника, представляет собой эпическое повествование об эпохе «чар хаким», т. е. четырех правителей Ташкента, а затем о переходе власти к Юнус-ходже. Источник позволяет уточнить представление о системе управления Ташкентом при одновременном правлении четырех хакимов. Весь внешний город был разделен на четыре части, которыми управляли четыре знатных горожанина. Свое проис-

²¹ Та'рих-и джадиде-йи Ташканд, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 7791, л. 354а—359а; О. Д. Чехович. Сказание о Ташкенте, Письменные памятники Востока. Ежегодник 1968, М., 1970, стр. 172—192.

хождение они прослеживали вплоть до «Ноя, Сима и Яфета», от которых якобы произошли легендарные тюркские цари, затем Чингиз-хан, Тимур, Бабур. Юнус-хан, Ахмад-Алача («убийца») и, наконец, их непосредственный предок Авлайкули-хан. Шейхантаурской частью правил Бабахан-тура Авлайкулиханид, Бешагачской — Раджаб-бек Аштарханид, Кукчинской — Мухаммад Ибрахим-бек Чагатаид, а в Сибзарской управлял не названный по имени правитель из Джучидов. Говорится, что они правили в городе и районах Кипчакской степи совместно, по взаимному соглашению. В случае войны для отражения неприятеля горожане всех четырех частей выставляли войско в порядке установленной очередности. Это доказывает существование общегородских правил. Горожане были вооружены и очень воинственны: «В те времена и на базар, и на обрабатываемые поля, и на охоту [выезжали] в полном боевом снаряжении, в кольчуге, шлеме, с копьем, клинком, саблей и ружьем при себе».

Приведенные выше родословия, имена и титулы четырех хакимов показывают, что правителями частей города были феодалы — Чингизиды; общегородским правителем в 1784 г. был избран ходжа. Таким образом, аппарат власти составлялся из двух высших аристократических сословий. Нарисованная источником живая картинка выезда знатного горожанина в полном вооружении на обрабатываемые поля заставляет думать, что они являлись туда для наблюдения за работой простых трудящихся, может быть «караказанов», упомянутых в отчете Поспелова и Бурнашева²². Вне сомнения, у кормила власти городского самоуправления стояли только богатые и знатные горожане, имевшие непосредственное отношение к караванной и базарной торговле. Вместе с тем они были и землевладельцами.

Текст «Сказания» показывает наличие в городе прочных традиций коллективного управления знати. После избрания Юнус-ходжи, когда он постепенно узурпировал всю полноту власти, горожане более всего были поражены тем, что он действовал, даже не посоветовавшись с ними. Однако, если это и была республика, то только аристократическая, далекая от какой бы то ни было демократии для трудящихся. При Юнус-ходже, например, ремесленникам даже запретили ездить по городу верхом²³.

Интересные сведения о Ташкенте сообщили также горные техники М. Поспелов и Т. Бурнашев, побывавшие в Ташкенте в 1800 г. В своем отчете они отразили переход от системы «четырех хакимов» к единоличному правлению, когда правитель все же советовался с «первостепенными ходжами». В этот период город отстраивался после разрушений, вызванных междоусобицами, предшествовавшими избранию общегородского правителя. Юнус-ходжа отремонтировал городскую стену, устроил монетный двор и постоянное войско из «караказанов». В мирное время их использовали в качестве даровых хлебопашцев в имениях самого Юнуса и других городских начальников, которые, как и он, были землевладельцами, имели сады, пашни, стада скота и вели крупную торговлю²⁴.

Итак, в XVIII в. Ташкент имел общегородское самоуправление, в котором участвовали главным образом знатные аристократы-ходжи, крупные купцы и землевладельцы. Этот большой торговый город с принадлежавшей ему областью в своих внутренних делах и внешних сно-

²² См.: Я. Ханьков. Указ. статья, стр. 31—36.

²³ А. Диваев. Предание о возникновении азиатского города Ташкента, Туркестанские ведомости, 1900, № 91.

²⁴ См.: Я. Ханьков. Указ. статья, стр. 1—56.

шениях не зависел от среднеазиатских или иных деспотических монархий. Хотя в 1723—1749 гг. он платил определенную дань казахским или калмыцким ханам, но и в это время власть ханов была сильно ограничена рамками, установленными городским самоуправлением.

Высшим органом общегородского самоуправления в Ташкенте был «магистрат», состоявший из десяти главных «градодержателей». Местопребыванием его был внутренний город («Кремль», Старый Ташкент), сильно укрепленный особой стеной с шестью воротами. Здесь помещались главный рынок, гостиный двор, высшая судебная палата и высший орган городского самоуправления, а впоследствии, при Юнус-ходже, еще и монетный двор, ремесленные мастерские правителя. Все хозяйственные, торговые, судебные, административные и внешнеполитические дела решались городскими властями самостоятельно, без участия ханов. Более того, ханам был запрещен вход в «Кремль», т. е. внутренний город, куда они и сами не смели заходить, боясь быть схваченными и задержанными в крепости за нарушение прав городского самоуправления.

Внешний город с пригородами был разделен на четыре части, подсобные новгородским «концам». Части города находились под управлением четырех независимых правителей, имели свои укрепления, администрацию и отдельные войска. В случае военной опасности войска четырех частей обязаны были участвовать в охране и обороне города в порядке установленной очередности. Окружавшая внешний город мощная оборонительная стена с 32 воротами бдительно охранялась. Имелась особая система оповещения населения об угрозе нападения врагов. Горожане-мужчины постоянно носили при себе холодное оружие, а некоторые имели и ружья.

Система сбора налогов с горожан Ташкента была тяжела для беднейших слоев населения, простых ремесленников и мелких торговцев. В конце XVIII в., при Юнус-ходже было характерно отсутствие определенных сроков и размеров платежей, налагавшихся городскими властями. «Қараказаны» несли трудовую повинность, обрабатывая, в частности, земли городских начальников. Каких-либо постоянных налогов в пользу казахских ханов ташкентские горожане, как правило, не платили. Наоборот, в последнее время (конец XVIII — начало XIX в.) кочевники-казахи были обязаны платить городу натуральный налог скотом.

В 30-х годах XVIII в. с оседлых жителей малых городов и местечек, подчиненных Ташкенту, собирался налог «ясак» в пользу ханов, которые посылали для этого своих сборщиков. Однако последние и тогда находились под контролем ташкентского городского самоуправления, назначавшего своих представителей к каждому сборщику. Между ханскими сборщиками и представителями горожан часто возникали споры, доходившие до вооруженных схваток и убийств. В таких случаях городское самоуправление заявляло ханам протесты против нарушения сборщиками городского права.

Городской суд имел три инстанции и не нуждался в санкции хана даже в случае приговора горожанина к смертной казни. К ханам отсылали только провинившихся в городе казахов.

Ташкентским купцам, которые вели крупную торговлю с Казахстаном и Россией, нужны были надежные мирные отношения с кочевниками. Для этого ташкентцы иногда «принимали» кого-либо из влиятельных казахских ханов и уступали им часть налогов, но без права вмешиваться во внутреннюю жизнь города. В конце XVIII в., после объединения четырех частей города и избрания Юнус-ходжи общегород-

ским правителем, Ташкент подчинил себе кочевников-казахов области, ликвидировал у них ханскую власть, предписал новые законы и заставил платить городу натуральный налог скотом. Кроме того, казахов обязали выставлять конные отряды в помощь городскому войску. Это было апогеем могущества ташкентской феодальной республики и в то же время — началом ее конца. Именно тогда вместо городского ополчения было создано постоянное войско, с помощью которого Юнус-ходжа узурпировал власть и стал единоличным правителем. За это возмущенные горожане предали его в войне с Кокандом.

Политическая самостоятельность Ташкента была в конечном счете результатом роста торговли и ремесла, общего экономического развития, наблюдавшегося здесь в течение ряда веков. Географическое положение Ташкента на границе со степью способствовало превращению его в опорный пункт товарообмена с кочевниками, всегда нуждавшимися в продуктах земледелия и ремесла. В XVII—XVIII вв. усилилась торговля с Россией, содействовавшая обогащению ташкентских купцов. Они-то и установили в городе порядки, выгодные им и удобные для дальнейшего развития торговли и ремесла. Пока еще, к сожалению, мало изученные ремесленные корпорации, безусловно существовавшие в Ташкенте, как и в других среднеазиатских городах, были социальной опорой городского самоуправления.

Мы не имеем пока достаточных сведений о том, как было организовано городское самоуправление в сербдарских городах. Также не изучена история городов Восточного Туркестана и Ферганы в период правления в них ходжей. Мало сведений дошло до нас о городских порядках в Балхе, Бадахшане и др. Однако, если сопоставить приведенные выше сведения о Ташкенте XVIII в. с имеющимися данными об Исфахане XVII в., о средневековых Ани и Карсе в Армении и др., это даст, как нам кажется, достаточно ясные и убедительные свидетельства о невозможности считать отсутствие общегородского самоуправления особенностью городов Передней и Средней Азии. В тех случаях, когда складывались соответствующие условия, восточные города, как и некоторые западные, имели свое самоуправление, городское право и городские учреждения. Так что в этом отношении основные тенденции процесса исторического развития средневековых городов были, по-видимому, в общем едиными.

О. Д. Чехович

ЎРТА АСР ШАҲАРЛАРИ ТАРАҚҚИЙТИНИНГ ТАРИХИЙ ПРОЦЕССИ БИРЛИГИ МАСАЛАСИГА ДОИР

Феодал даври Ўрта Осиё шаҳарларининг ички қурилиши масалаларига бағишланган ушбу мақолада муаллиф тарихий манбалардан олган маълумотларни анализ қилади ва умумлаштиради, XIII асрда Тошкентда умумшаҳарнинг ўз-ўзини бошқариши хусусида қизиқарли маълумотлар келтиради.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПУТИ СНИЖЕНИЯ МАТЕРИАЛОЕМКОСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

(На примере обувной промышленности УзССР)

XXIV съезд КПСС особо подчеркнул, что задача существенного подъема благосостояния трудящихся должна быть решена на основе повышения эффективности социалистического производства. Суть повышения эффективности производства, как отмечал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК XXIV съезду партии, «состоит в том, чтобы на каждую единицу затрат — трудовых, материальных и финансовых — добиться существенного увеличения объема производства и национального дохода»¹.

Большую роль в повышении эффективности производства играет снижение материалоемкости продукции, т. е. уменьшение затрат сырья и других материальных ресурсов на единицу произведенной продукции.

Снижение материалоемкости продукции означает получение возможно большей продукции высокого качества с минимально возможными затратами сырья, материалов, топлива, электроэнергии при наилучшем использовании машин, оборудования и других средств производства. Оно позволяет выпускать больше готовой продукции без увеличения материальных ресурсов на ее изготовление и тем самым полнее удовлетворять потребности народного хозяйства и населения, а также экономить труд работников добывающих отраслей.

Уменьшение расходов сырья и других материальных ресурсов на единицу продукции снижает выраженные в деньгах общие затраты на ее производство, что позволяет снизить цены на продукцию либо при тех же ценах получить больше чистого дохода, служащего источником формирования фондов экономического стимулирования предприятий и доходов государственного бюджета.

Особо важное значение имеют экономия сырья, материалов, топлива, энергии, лучшее использование техники и инструментов при нынешних масштабах народного хозяйства СССР, когда снижение материалоемкости продукции лишь на 1% дает колоссальный экономический эффект, измеряемый миллиардами рублей.

Большая роль снижения материальных затрат на единицу продукции в подъеме эффективности общественного производства объясняется высоким уровнем развития производительных сил социалистического общества, в котором научно-технический прогресс ведет к увеличению роли овеществленного (прошлого) труда в стоимости производимой продукции при уменьшении его абсолютной величины.

Например, в 1932 г. материальные затраты (вместе с амортизацией) в себестоимости продукции промышленности СССР составляли 57%, в 1940 г. — около 72%, а ныне превышают 80%². Следовательно, растущее значение снижения материалоемкости продукции определяется и ростом доли материальных затрат в себестоимости продукции промышленности.

Тенденция к повышению роли материальных затрат и снижению доли заработной платы в структуре себестоимости продукции — неизбежное следствие технического прогресса, отвечающее известному марксистскому положению: «Повышение производительности труда заключается именно в том, что доля живого труда уменьшается, а доля прошлого труда увеличивается, но увеличивается так, что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается»³.

Особо важное значение имеет проблема снижения материальных ресурсов в таких материалоемких отраслях, как, например, обувная промышленность.

Узбекистан занимает пятое место среди союзных республик по количеству производимой кожаной обуви (около 3% общесоюзного выпуска). Более 8,5% про-

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 55.

² Народное хозяйство СССР, М., 1932, стр. 58; Народное хозяйство СССР в 1970 году, М., 1971, стр. 174.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. 1, стр. 286.

мышленно-производственного персонала легкой промышленности УзССР занято в обувной промышленности. На ее долю приходится свыше 13% предметов потребления, производимых в легкой промышленности республики. Удельный вес обуви среди всех товаров в розничном товарообороте УзССР составляет (1972 г.) 5,08%, а в товарообороте непродовольственных товаров — около 10%. При этом до половины всего количества реализуемой в республике обуви приходится на продукцию обувной промышленности Узбекистана.

Значительные изменения происходят в результате выполнения решений XXIV съезда КПСС в размещении, объеме, ассортименте и качестве продукции обувной промышленности Узбекистана.

В Фергане и Ташкенте построены новые обувные фабрики, реконструируются Андijanская, Ташкентская № 1, Кокандская и пресктурируется реконструкция Янгйюльской, Чирчикской, Бухарской, Самаркандской обувных фабрик. За 1974—1975 гг. должны быть построены обувные фабрики в Навои и Нукусе и Дом моделей обуви в Ташкенте.

В результате строительства, реконструкции и освоения проектных мощностей перечисленных предприятий производство кожаной обуви в УзССР увеличится с 18,4 млн. пар в 1970 г. до 32,1 млн. пар в 1975 г.

Важность поиска резервов повышения эффективности производства обуви определяется как значительной ролью обувной промышленности УзССР в структуре легкой промышленности УзССР, обувной промышленности всего Союза и в структуре товаров розничного товарооборота УзССР, так и намеченными масштабами развития самой обувной промышленности республики в девятой пятилетке.

В докладе Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина о Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. отмечено: «При наших масштабах производства экономия сырья и материалов превращается в огромные дополнительные резервы», но эти резервы используются еще далеко недостаточно⁴.

Значительные резервы снижения материалоемкости продукции имеются и в обувной промышленности. Так, в 1975 г. при намеченных XXIV съездом партии масштабах производства обуви в УзССР снижение ее материалоемкости на 1% равнозначно экономии около 1 млн. руб. По расчетам Н. К. Лыткина, в затратах на основные материалы, составляющих около 80% всех материальных затрат, по отдельным фабрикам при производстве обуви одинакового артикула имеется значительная разница, достигающая 25—30%⁵.

Наибольшие результаты в экономном использовании материалов дают совершенствование существующей техники, внедрение новых машин и механизмов, прогрессивной технологии, новых высокоэффективных материалов.

Например, применение новой техники для разуборки, пошива заготовок, изготовления украшений из искусственных материалов для 163 тыс. пар обуви на Ферганской фабрике дало в 1971 г. экономический эффект в сумме 48,4 тыс. руб.

Одно из важнейших направлений совершенствования технологии — дальнейшая химизация производства, т. е. преимущественное развитие и расширение производства обуви химическими способами, совершенствование всего технологического процесса с заменой механических креплений и соединений деталей и узлов химическими (применение клеевых пленок и швов), все более широкое внедрение в обувное производство новых высококачественных искусственных кож.

Снижению материалоемкости способствует изготовление обуви с использованием искусственных материалов и кож. Высокая эффективность применения их объясняется как относительной дешевизной искусственных материалов, большей износостойкостью их, так и значительными потерями при раскрое натуральных кож из-за сложной конфигурации, наличия пороков, неоднородности по толщине.

Удельный вес затрат на детали низа обуви в общих затратах на ее производство составляет примерно 40%. Поэтому доля обуви на подошве из заменителей неуклонно растет. Однако в Узбекистане ее удельный вес еще гораздо ниже, чем в других союзных республиках. Так, обувная промышленность Украины увеличила удельный вес обуви на подошве из заменителей с 62,1% в 1960 г. до 68,2% в 1970 г. В Узбекистане же этот показатель составил соответственно 47,16 и 52,39%, а в 1972 г. — 53,83%. Между тем во многих странах доля обуви на подошве из заменителей натуральной кожи достигает 85—95%.

Особого внимания заслуживает изготовление обуви из готовых формованных годов. При этом отходы сокращаются в 3—4 раза. Так, на заводах при изготовлении штампованных деталей, вырубленных из пластин, отходы (в виде вырубки) состав-

⁴ Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 143.

⁵ Н. К. Лыткин. Пути снижения себестоимости продукции, повышения рентабельности предприятий кожевенно-обувной промышленности, М., 1971, стр. 71.

ляют 23—31%, а при изготовлении формованных подошв — сокращаются до 8—9%.

За последние годы в СССР и за рубежом освоен новый метод изготовления обуви — литье под давлением. Поскольку цельноформованная литая обувь отличается низкими санитарно-гигиеническими свойствами, сейчас в результате совершенствования техники и технологии этим методом стали изготавливать обычную обувь с верхом из кожи или текстиля и низом из полимеров.

Метод литья наиболее экономичен, ибо технология его предусматривает безотходный переход сырья и материалов низа в изготавливаемую продукцию. Но ввиду отсутствия необходимого технологического оборудования в обувной промышленности УзССР производством обуви методом литья еще не внедрено.

Затраты на материалы верха в себестоимости обуви составляют 25%. Значит, надо получать из кожи возможно больше полезного кроя, шире внедрять высококачественные искусственные кожи, которые в несклькo раз износоустойчивее натуральных, а экономия материалов при раскрое их составляет 15—20%.

В настоящее время из общего количества обуви, производимой в республике, менее 5% изготавливается с верхом из искусственных кож и 3,5% — с комбинированным верхом.

С вводом в действие в 1975 г. крупнейшего в стране Ферганского комбината искусственных кож мощностью 20 млн. м² искусственных мягких кож, 10 млн м² плечных материалов и 6 тыс. т обувного картона резко увеличится сырьевая база обувной промышленности республики.

Весьма эффективное направление совершенствования технологии производства обуви — замена ниточного соединения клеевым и горячей вулканизацией. При клеевом методе расход материалов снижается на 2—3% и достигается рост производительности труда на 15%, а горячая вулканизация дает экономию 6—10% материалов в связи с уменьшением толщины подошвы и сокращением отходов резины при изготовлении и прикреплении деталей низа. Экономия резины увеличивается при изменении профиля подошв, когда им придается различная толщина в разных частях в соответствии с топографией зон износа.

К тому же химические методы крепления позволяют увеличить долговечность обуви, улучшить ее санитарно-гигиенические свойства и внешний вид. Они обеспечивают относительно более высокую производительность труда и успешно применяются при изготовлении обуви как на кожаной, так и на резиновой подошве.

Кроме того, само внедрение в обувное производство синтетических кож требует замены механических методов крепления химическими, обеспечивающими более высококачественное крепление.

Выдвинутая Директивами XXIV съезда КПСС задача широкого внедрения прогрессивных, особенно непрерывных, технологических процессов, ускорения разработок и промышленного внедрения новой химической технологии находит свое отражение и в развитии обувной промышленности республики. Удельный вес производимой в УзССР обуви клеевого метода крепления возрос с 68% в 1970 г. до 70,85% в 1972 г.

Коренным изменением технологии изготовления обуви обусловлена замена древесных материалов искусственными при изготовлении колодок — одного из важнейших элементов процесса производства обуви.

Пластмассовые колодки намного превосходят древесные по таким показателям, как устойчивость к воздействию тепла и влаги, химических материалов и т. д. К тому же они в 2—3 раза долговечнее и гораздо дешевле древесных и при полном износе могут быть неоднократно использованы для изготовления новых колодок. Однако из-за отсутствия соответствующих химических материалов пластмассовые колодки еще не нашли применения в обувной промышленности республики.

Все это говорит о том, что имеются значительные резервы снижения материальных затрат на производство обуви, эффективное использование которых требует постоянного творческого поиска и внедрения этих резервов работниками обувной промышленности УзССР, совершенствования техники и технологии, дальнейшего расширения сырьевой базы, производства синтетических материалов.

Среди главных направлений повышения эффективности промышленного производства, намеченных XXIV съездом КПСС, важное место занимает «существенное повышение качества производимой продукции»⁶.

Качество продукции определяется многими факторами — уровнем техники и технологии производства, особенностями сырья и материалов, степенью квалификации кадров, организацией производства и труда на предприятиях.

Проблема повышения качества продукции весьма актуальна и для обувной промышленности УзССР. На складах предприятий, оптовых баз и магазинов скапливается значительное количество обуви, не находящей спроса у покупателей. Затем она реализуется по сниженным ценам, что, естественно, снижает эффективность обувного производства. Существует резкий разрыв между качеством образцов обуви, выстав-

⁶ Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 59.

ляемых на республиканской оптовой ярмарке, и массовой продукцией. Поэтому следует усилить творческий поиск и внедрение действенных мер морального и материального стимулирования работников производства в повышении качества выпускаемой продукции.

Все это будет способствовать дальнейшему подъему обувного производства, его экономической эффективности, удовлетворению растущих запросов населения в добротной современной обуви широкого ассортимента и высокого качества.

И. Д. Кабулнязов

РОЛЬ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИСКУССТВА И МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В большом и сложном деле формирования нового человека как всесторонне, гармонически развитой личности, активного, сознательного строителя коммунизма, в острой идеологической борьбе с миром капитала мощным оружием нашей партии служат средства массовой информации и пропаганды. Среди них все более важное место занимает телевидение — одно из замечательных достижений научно-технической мысли, родиной которого является наша страна.

Ныне телевидение имеет в СССР огромную аудиторию — 70—75% населения страны. Выступая посредником между социальной средой и аудиторией, оно не только передает информацию, но и обладает достоверностью непосредственного зрелища, удачно сочетает в себе черты синтетического искусства и средства массовой информации. Будучи доступным и популярным источником социальной информации вообще, эстетической в частности, телевидение выступает новым своеобразным инструментом эстетического воспитания трудящихся.

Эстетическая наука классифицирует виды искусства на пространственные или статические, временные или динамические и пространственно-временные.

Телевидение можно отнести к пространственно-временным видам искусства. Однако «пространство» и «время» у телевидения имеют свои особенности. Здесь можно говорить о подвижности пространства, что зависит от технических возможностей телевизионной аппаратуры, и о непрерывности времени, что вытекает из природы телевидения.

Телевидение — это и изобразительное, и выразительное искусство. Изображение на телевизионном экране дает различные картины подлинной жизни, создает художественные образы, отражающие реальную действительность. Показ изображаемого во времени дополняется речью, мимикой, жестами, музыкой, тишиной, молчанием. Звучное оформление, движение в кадре, а также наличие комментатора и его комментария — это выразительные компоненты, присущие телевидению. По своей структуре телевидение ближе всего документальному кинематографу; их связывают многие общие эстетические принципы и исходные посылы. Они оперируют фактами, документами действительности, которые благодаря мастерству оператора и режиссера, личности выступающего в кадре становятся образно значимыми, превращаются из документальной информации в художественную. И документальное кино, и телевидение формируют мировоззрение, влияют на эстетическое воспитание личности силой документальной убедительности конкретного факта.

Присутствие личности на экране, своеобразного лирического героя, раскрытие его внутреннего мира стало одним из неперемных атрибутов телевидения. Если ранее принципы документального кино помогли формироваться телевидению, то теперь очевиден обратный процесс — влияние телевидения на документальное кино. Например, в фильмах известного документалиста И. Ивенса, основа сюжета которых строилась прежде на дикторском тексте, в последнее время все чаще используется присутствие в кадре участников событий. Стремление к документальности проявляется и в других видах искусства — игровом кинематографе (фильмы С. Юткевича «Ленин в Польше», М. Ромма «Обыкновенный фашизм», А. Рене «Хиросима — любовь моя» и т. д.), в театральном искусстве, в очерковой литературе.

Законы марксистско-ленинской эстетики требуют определения специфики использования новым видом искусства изобразительно-выразительных средств, приемов раскрытия художественного образа. Анализ телефильмов и информационных телевизионных передач показывает, что предпочтение отдается кадрам крупного плана, ритмически плавному монтажу и т. д.

Как и другие виды искусства, телевидение играет важную роль в эстетическом воспитании масс. Эстетические начала телевидения проявляются на различных уровнях; они свойственны не только сфере «игрового», но и документальных жанров информационного телевидения. Контакт зрителя и выступающего рождает предпосылку эстетического отношения. Большую роль в эстетическом воспитании масс играют такие телепередачи, popularизирующие искусство, как викторины, кинопанора-

мы, творческие портреты выдающихся деятелей искусства и т. д. Эти телевизионные жанры пользуются большой популярностью у зрителей.

Телевидение — это важный канал эстетической информации, источник эстетического наслаждения хотя при трансляции по телевидению произведений различных жанров искусства наблюдаются известные художественные потери, и, разумеется, телетрансляция отнюдь не может заменить непосредственного посещения театральных и концертных залов, выставок, музеев и т. д. Но по массовости аудитории, синтетичности искусства многие другие жанры не могут соперничать с телевидением.

Вместе с другими видами искусства телевидение эстетически воспитывает человека коммунистического общества, формирует его художественные вкусы, вселяет стремление к прекрасному во всех сферах человеческой деятельности.

Главный социально-эстетический принцип телевидения — воспитание человека силой индивидуальности другой личности, которая присутствует и в информационно-документальных передачах, и в произведениях телевизионной драматургии.

Но телевидение — не только искусство, а одновременно и средство массовой коммуникации. И художнику на телевидении для выражения собственной индивидуальности необходимо знание специфики телевизионного коммуникативного процесса. Исходя из существующей классификации, телевидение, как коммуникативный процесс относится к процессам ретинальным¹, специфическим (как использующим специально сконструированную систему) с элементами утилитарных процессов (мимика, жесты).

Семиотический язык телевизионной программы имеет свою специфику. Телевизионное изображение воздействует на зрителя посредством четырех знаковых систем: словесной, кинетической, музыкальной и графической. Оно отличается от других средств массовой коммуникации возможностью как индивидуального приема программы, так и универсальностью общения с аудиторией.

Многие исследования советских и зарубежных ученых посвящены информационному коммуникативному процессу, а именно подразделению информации на «просветительную» и «эстетическую», «семантическую» и «эстетическую», «рациональную» и «эмоциональную»². Они отмечают, что семантическая информация может быть в большей степени учтена и дифференцирована. Дифференциация телепередач, адресованных различным социальным, возрастным, профессиональным группам, представляет собой одну из важных проблем при изучении телевизионной аудитории.

В результате сравнения потребностей реципиентов в семантической информации оказалось, что телевидение занимает третье место после прессы и радио. Однако «по культурной» информации телевидение стоит на первом месте, т. е. телевизионная аудитория ориентируется в большей степени на информационно-эстетическую сторону телепередач, что еще раз подтверждает отношение к телевидению прежде всего как к новому виду искусства.

Конкретно-социологические исследования показывают, что телевидение еще недостаточно удовлетворяет растущие эстетическо-познавательные запросы нашего зрителя и как средство приобщения к искусству, и как средство расширения знаний, культурного кругозора.

Следует учитывать, что телевидение имеет весьма разнородную аудиторию, а потому содержание передач должно быть дифференцировано относительно отдельных социально-демографических групп в целях повышения эффективности их воздействия, планомерного формирования общественного сознания, правильной ценностной ориентации личности.

Если восприятие семантической информации — рациональный процесс, то при восприятии произведений искусства активизируется личностный аппарат эмоционально-эстетических связей.

Чем выше эмоциональное напряжение, тем сильнее воздействие воспринимаемой информации. Специфика телевизионного коммуникативного процесса позволяет воспринимать не только художественные, но и документальные передачи на эстетическом уровне как при помощи личного контакта зрителя с диктором (комментатором, автором передачи и др.), так и при формировании художественного образа.

Изучение процесса превращения информации, получаемой человеком, в определенные нормы, ценности, личные убеждения — это, пожалуй, наиболее важный аспект исследования телевизионной аудитории.

В современной науке существует ряд уровней изучения средств массовой коммуникации, в том числе исследований реципиентов. Наибольший интерес здесь пред-

¹ См.: А. Брудный. О некоторых приложениях к теории информации, в сб. «Кибернетика, мышление, жизнь», М., 1964.

² См.: А. Моль. Теория информации и эстетическое восприятие, М., 1966; А. Карягин. Телевидение и духовная культура, в сб. «Искусство голубого экрана», М., 1968, и др.

свояет результат взаимодействия личности и телевидения — эффективность воздействия.

В частности, требуют изучения такие проблемы, как: посещаемость кино и телевидения; сравнительный анализ предпочтения тех или иных телевизионных передач, времени передач и т. п.; избирательность телепрограмм представителями различных социально-демографических групп; глубокие социально-психологические исследования телеаудитории в целях дальнейшего совершенствования телепрограмм и повышения их роли в воспитании масс, формировании общественного сознания.

Одним из важных звеньев коммуникативного телевизионного процесса выступает комментатор, от которого во многом зависит эффективность воздействия телепередач. Это — диктор, комментатор, автор передач.

Кроме соответствия требованиям, предъявляемым к коммуникатору, как источнику информации вообще, для коммуникатора телевидения большое значение имеют личные качества — психологические характеристики, эмоциональные ресурсы, специфика мышления и т. д. Это особенно важно для автора передачи, от которого требуется высокое творческое мастерство.

Надо всемерно совершенствовать качество, методику ведения передач диктором, комментатором, автором, укреплять научные основы программирования и проведения телепередач. Все это будет способствовать повышению роли телевидения как вида искусства и средства массовой информации в коммунистическом воспитании трудящихся, формировании нового человека.

М. Савуров

О РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ УЗБЕКИСТАНА С ПОЛЬШЕЙ

В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что «Коммунистическая партия Советского Союза считала и считает своим международным долгом всемерно содействовать дальнейшему росту могущества мировой системы социализма. Мы стоим за то, чтобы сотрудничество братских стран становилось все более разносторонним и глубоким, охватывало бы все более широкие массы трудящихся, чтобы основательнее изучался опыт друг друга на всех уровнях государственной, общественной, хозяйственной и культурной жизни»¹.

В развитии многостороннего сотрудничества СССР с братскими странами социализма активно участвуют все союзные республики, в том числе Узбекистан.

Предприятия Узбекистана производят огромное количество материалов и оборудования для промышленных и сельскохозяйственных объектов в Польше, Болгарии, Румынии, КНДР, МНР, на Кубе, в Демократической Республике Вьетнам и др.

Неуклонный подъем экономики Узбекистана обеспечивает прочную материальную базу для последовательного повышения роли республики во внешнеэкономических связях СССР, особенно со странами — членами Совета Экономической Взаимопомощи, отметившего в январе 1974 г. свой 25-летний юбилей. Предприятия УзССР ежегодно отправляют в страны — члены СЭВ все возрастающее количество промышленных изделий. Это ярко видно на материалах экономического сотрудничества Узбекистана с братской Польшей.

Экономическое сотрудничество Советского Узбекистана с Польской Народной Республикой началось сразу же после освобождения Польши Советской Армией от немецко-фашистских захватчиков.

Узбекистан, как и другие советские республики, оказал большую помощь в восстановлении экономики Польши, разоренной войной и гитлеровскими оккупантами. Еще в апреле 1945 г. из Узбекистана и Таджикистана была направлена большая партия хлопка в адрес польского города Андрихова, где был восстановлен разрушенный гитлеровцами текстильный комбинат. Вскоре из Узбекской и Таджикской республик в г. Андрихова поступило необходимое для комбината новейшее оборудование².

Экономические связи УзССР с ПНР росли с каждым годом, и ныне Узбекистан занимает видное место в советско-польских торговых отношениях, чему во многом содействовало заключение торговых договоров между СССР и Польшей на 1961—1965 и 1966—1970 гг. Они способствовали активизации взаимных поставок машин и оборудования, аппаратуры для химической промышленности и т. д.

Важное место в экспорте Узбекистана в Польскую Народную Республику занимает хлопковое волокно. К концу 1966 г. свыше 40 предприятий текстильной промышленности ПНР работали на хлопковом сырье Узбекистана³.

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 14.

² Ч. А. Абуталипов. Под ленинским знаменем дружбы и мира, Ташкент, 1970, стр. 145.

³ Ч. А. Абуталипов. Курс — братское сотрудничество, Коммунист Узбекистана, 1967, № 2, стр. 58.

В годы восьмой пятилетки 25 промышленных предприятий республики, в том числе электротехнический завод, «Таштекстильмаш», завод «Гидрометприбор», самаркандский завод «Кинап», кокандский завод «Большевик», экскаваторный завод, Ташхимфармзавод, Чирчикский электрохимкомбинат и другие предприятия направляли в ПНР ровничные, прядильные машины и запчасти к ним, метеорологические приборы, пакетные выключатели, кабельные изделия, кинооборудование, экскаваторы, трансформаторные и компрессорные подстанции, стальную и чугунную арматуру и т. д.⁴

Узбекистан экспортирует также в ПНР каракулевые, ондатровые шкурки, хлопковое масло и др.

В свою очередь, Польская Народная Республика поставляет оборудование для текстильных и химических предприятий Узбекистана и многие другие промышленные изделия. Так, в 1966—1970 гг. из ПНР в Узбекистан ввозились агрегаты для приготовления витаминной муки, трансформаторные подстанции, аналитические весы, центрифуги, приборы для проверки фар и установки колес автомобилей, дизельгенераторные установки, комплектную биохимическую лабораторию, насосы, ядохимикаты, ткани (хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые), швейные изделия, обувь, мебель, предметы женского туалета и т. д.⁵

Тесное экономическое сотрудничество ПНР и СССР, в том числе Узбекистана, в рамках СЭВ благоприятно воздействует на рост экономики обеих стран, позволяет успешно решать актуальные народнохозяйственные проблемы, укрепляет дружбу наших народов.

Наша печать приводит немало фактов, свидетельствующих о крепнущих узях дружбы между Узбекистаном и Польшей. Так, 30 апреля 1974 г. «Правда Востока» сообщила, что 29 апреля кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУЗ Ш. Р. Рашидов принял гостившего в Ташкенте посла ПНР З. Новака. З дружеской беседе приняли участие заместитель Председателя Совета Министров УэССР, министр иностранных дел республики М. Т. Турсунов и другие товарищи.

Подобные контакты способствуют дальнейшему укреплению наших взаимосвязей с братскими странами социализма, в том числе торгово-экономических связей Узбекистана с Польшей.

В статье «Великая сила социалистической идеологии» член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП Р. Шидляк писал: «Дружба и сотрудничество с СССР — страной самых лучших друзей — является источником силы Польши, главной гарантией ее независимости и безопасности. Эта правда никогда не была такой актуальной, как сегодня, в период дальнейшего укрепления единства и развития взаимодействия нашей партии с великой партией Ленина. Железная логика истории свидетельствует о том, что настоящими защитниками свободы и равноправия народа могут быть сегодня только те политические движения, которые стоят на позиции взаимодействия с Советским Союзом, социалистическим сотрудничеством и международным революционным движением рабочего класса — международными силами социализма»⁶.

Советский Союз оказывает скоростную братскую помощь Польше и другим социалистическим странам. На XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Мы хотим, чтобы мировая система социализма была дружной семьей народов, вместе строящих и защищающих новое общество, взаимно обогащающих друг друга опытом и знаниями, — семьей сплоченной и крепкой, в которой люди Земли видели бы прообраз будущего мирового сообщества свободных народов»⁷.

Именно такие отношения, базирующиеся на принципах социалистического интернационализма, установлены и успешно развиваются, в частности, между СССР и ПНР, и в них активно участвуют все союзные республики, в том числе Узбекистан.

Х. Усмонова

⁴ Управление Уполномоченного МВТ СССР по Средней Азии, оп. I, арх. 101, 1967—1970 гг.

⁵ Текущий архив Госплана УэССР за 1966—1970 гг., д. 16.

⁶ Правда, 20 марта 1973 г.

⁷ Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 14..

СУРХОНДАРЕДА СОЦИАЛИСТИК МАДАНИЯТ ТАРАҚИЙЕТИ (1966—1970)

В. И. Лениннинг СССРда социализм қуриш тўғрисидаги буюк таълимотининг муҳим масалаларидан бири — мамлакатда маданий революцияни амалга ошириш эди. Ватанимизда социалистик жамиятининг биринчи кунлариданоқ ана шу доҳиёна курсатмага қатъий амал қилинди ва кейинчалик Коммунистик партия халқ хўжалигини социалистик реконструкция қилиш планини ишлаб чиқишда ҳам ўша назарияга асосланди. «Партия, — деган эди КПСС Марказий Комитетининг Бош секретари Л. И. Бреж-

нев,—Октябрнинг дастлабки кунлариданоқ бутун куч ва ғайратини ишга солиб изчиллик билан маданий революцияни амалга оширишга киришмаганда эди, мамлакатимизни социалистик асосда тубдан ўзгартириб бўлмас эди»¹.

Бу таълимот Совет Ўзбекистони учун алоҳида аҳамиятга эгадир. Чунки у қардош республикаларнинг интернационал оиласида социалистик қурлиш йилларида ўзининг ўтмишдан мерос бўлиб қолган барча қолоқликларига тамоман барҳам бериб, халқ ҳўжалиги, жумладан маданиятни юксак тараққий этган ўлкага айланди.

Худди шу даврдан бошлаб Ўзбекистонда ҳам шаклан миллий, мазмунан социалистик маданий таркиб топа бошлади. Ҳозирги, гуллаб-яшнаётган ўзбек социалистик маданиятини доҳий Ленин таълимотисиз, қардош республикаларнинг маданиятидан алоҳида ҳолда тасаввур қилиш қийин. «Бизнинг маданиятимиз ўзининг мазмуни, ўз ривожининг асосий йўналиши жиҳатидан социалистик, ўзининг миллий шакллари жиҳатидан хилма-хил ҳамда ўзининг руҳи ва характери жиҳатидан интернационалистик маданиятдир. Шундай қилиб, совет маданияти барча халқлар вужудга келтираётган маънавий бойликларнинг узвий бирикмасидан иборатдир»².

Ривожланган социалистик жамятининг ҳозирги босқичида ҳам кенг меҳнаткашлар оммасида коммунистик дунёқарашни шакллантириш, шахсини ҳар томонлама ривожлантириш тўғрисида ғамхўрлик Ленин партияси ғоявий-тарбия ишининг асосини ташкил этади. КПССнинг XXIV съезди ҳужжатларида қайд этилганидек, «Инсоннинг ўзини ҳар томонлама камолотга етказмай туриб коммунизм қурилишидек буюк ишга олга силжитиш мумкин эмас. Тегишли моддий техника базасини вужудга келтирмай туриб коммунизм қуриш мумкин бўлмаганидек, кишиларнинг маданияти, билими, ижтимоий онгини юксак даражага кўтармай туриб, уларни маънавий камолотга етказмай туриб коммунизм қуриш ҳам мумкин эмас»³. Шунинг учун ҳам Коммунистик партия ҳозирги шароитда социалистик маданиятнинг барча тармоқларини жадаллик билан, бир текис ривожлантириш вазифасини қўймоқда.

Сурхондарёда социалистик маданият ва унинг барча тармоқларини ривожлантиришда 1966—1970 йиллар жуда муҳим давр бўлди. КПССнинг XXIII съезди ривожланган социалистик жамятининг янги истиқболларини белгилаб берганидек, коммунистик қурилишнинг бундан бўёнги муваффақиятлари партияимизнинг меҳнаткашлар ўртасида олиб борадиган ғоявий-сиёсий ишининг кўлами ва савиясига кўп жиҳатдан боғлиқ эканлигини ҳам алоҳида ўқирди. Меҳнаткашларни юксак сиёсий онглилик ва меҳнатга коммунистик муносабат руҳида тарбиялаш идеология ишининг муҳим вазифаларидан ҳисобланади. Ана шу тадбирларни амалга оширишда маданий-оқартув муассасалари энг қулай марказ ҳисобланади. Шунинг учун ҳам маҳаллий партия — совет ташкилотлари 1966—1970 йилларда маданий-оқартув муассасаларининг фаолиятини янада яхшилаш, аҳолининг маданий-маънавий эҳтиёжларини қондиришнинг янги конкрет тадбирларини ишлаб чиқди. Сурхондарё области территориясида 1965 йилда шаҳар ва қишлоқ жойларида 139 клуб муассасалари, 12 та маданият университети, 9 автоклуб, 63 та бадний ҳаваскорлик коллективи, 171 та киноустановка, область халқ ижодий уйи, ўлкашунослик музейи, драма театри каби маданий-оқартув муассасалари томонидан меҳнаткашлар ўртасида турли мавзуларда 3972 та лекция ва докладлар ўқилган, 273 та концерт, 390 та спектакл намойиш қилинган бўлса⁴, 1966 йилга келиб 147 клуб, 13 маданий уй, 257 кутубхона, 11 автоклуб, 176 киноустановка халқнинг маданий эҳтиёжлари учун тўлароқ хизмат қила бошлади⁵. Область кутубхоналари 1966 йил давомида 129 602 нусха янги номдаги адабиётлар билан тўлдирилди ва китоб фондининг умумий миқдори 1 миллион 166 минг 941 тага етди. Умумий китоб фондининг 24,9 проценти ижтимоий-сиёсий, техника ҳамда санъат масалаларига оид бўлганлигининг ўзи ўқувчиларнинг билим савиясини, ижтимоий дунёқарашини тўлиқ характерлаб бера олади. Бу даврга келиб китобхоналарнинг умумий сони 63 310 кишига етди. Абонементларда 4457, ўқув залларида 2307, кўчма кутубхоналарда эса 6635 китобхона шугулланди⁶. Областида 95 йирик кутубхонаси ҳузурида турли касб вакилларидан ташкил топган—458 кишидан иборат ўқувчилар Совети ташкил этилиб, кутубхоналарнинг илгор иш тажрибалари кенг ёйилди, шунингдек 157 нафар китоб ташувчи хонадонларга кераклик адабиётларни етказиб берди⁷.

Оммавий пропагандининг кенг ёйилган формаларидан бири — лекция ҳисобланади. Шунинг учун ҳам Сурхондарё область маданий-оқартув муассасалари таълимнинг

¹ Л. И. Брежнев. Социализм улўу галабаларининг 50 йиллиги, Тошкент, 1967, 17—18-бетлар.

² Л. И. Брежнев. Совет социалистик республикалар Иттифоқининг элик йиллиги тўғрисида, Тошкент, 1972, 24-бет.

³ КПСС XXIV съезди материаллари, Тошкент, 1971, 83-бет.

⁴ Сурхондарё область давлат архиви, 454-ф., 3-оп., 378-ед. хр., 7—8-л.

⁵ Уша жойда, 370-ед. хр., 24—25 л.

⁶ Уша жойда, 370-ед. хр., 37-л.

⁷ Сурхондарё область маданий-оқартув муассасаларининг 1966 йилги ҳисоботи, 11-бет.

бу усулига алоҳида эътибор берди, унинг мазмуни ва таъсирчанлигини ошириш учун курашиб келди. Область ва район «Билим» жамиятлари томонидан ижтимоий-сиёсий, техника, қишлоқ хўжалиги мавзуларида 5657 лекция ўқилди, уни 431 761 киши тинглади, ёки ҳар бир лекцияда ўртача 77 киши иштирок этди. Шуниингдек, чорва яйловлари ва пахта далаларида халқаро масалалар, коммунистик ахлоқ, гигиена мавзуларида 18 103 га суҳбат ўтказилди⁸.

Шаҳар ва район маданият уйлари, қишлоқ клубларида 1966 йил давомида 416 марта тематик ва савол-жавоб кечалари ўтказилди. Клублар хузурида 80 та бадий ҳаваскорлик коллективи, халқ театрлари ишлаб, унга 1170 нафар ишич, деҳқон, хизматчи ва ўқувчи—ёшлар қатнашди. Халқ талантлари кучи билан 553 та концерт ва спектакллар намойиш қилинди, бунда 67 102 нафар меҳнаткаш вакиллари маданий ҳордиқ чиқарди⁹.

Сурхондарё область партия ва совет ташкилотлари аҳолининг турмуш маданияти тобора юксалиб бораётганлигини ҳисобга олиб, сиёсий агитация ва таълимнинг қулай формаси сифатида халқ университетлари фаолиятини янада яхшилашга алоҳида эътибор берди. 1966 йилда область территориясида коммунистик тарбия, маданият ва турмуш, адабиёт ва санъат, кутубхонашунослик каби масалалар билан шуғулланувчи 18 халқ университети иш олиб борди. Тўлиқ жиҳозланган 11 автоклуб областининг Уботоғ, Бандихон, Оқтош, Хотинрабат, Сина, Вахшнвор, Мачай каби узоқ тоғли участкаларида яшовчи аҳолининг маданий эҳтиёжларига хизмат қилди. Автоклуб коллективлари томонидан йил давомида 209 та лекция ўқилди, 685 суҳбат, 68 та концерт, 14 та савол-жавоб кечалари ўтказилди, 27 та илмий-оммабо ва хроникал-хужжатли фильмлар намойиш қилинди¹⁰.

Меҳнаткашларни коммунистик руҳда тарбиялашда кино санъатининг роли ниҳоятда каттадир. Социалистик қурилиш йилларида у меҳнаткашлар эътирофини қозонди, барча қишлоқ хонадонларига кириб борди. Агар 1965 йилда область бўйича 171 кино установка ишлаб, 6 млн. 260 минг кишига хизмат қилган бўлса, 1966 йилга келиб киноточкалар миқдори 176 га етди, томошабинлар эса яна 504 минг кишига кўлайди¹¹. Юқоридаги миқдорлар маҳаллий партия ва совет ташкилотлари барча қишлоқ ва посёлкаларни кинолаштириш вазифасига алоҳида эътибор берганлигидан далолат беради. Шунинг учун ҳам Ўзбекистон ССР Олий Совети Президиуми аҳолига намунали кино хизмати кўрсатган сурхондарёлик кинеходимлардан А. Бўриев, В. Э. Муродов, С. Қилчоқов, Н. Недоспеловларга «Ўзбекистонда хизмат кўрсатган маданият ходими» унвонини берди.

Сурхондарёда халқ маорифини янада ривожлантириш борасида ҳам 1966—1970 йиллар муҳим давр бўлди. 1965—1966 ўқув йилида область бўйича 367 умумий таълим мактаби бўлиб, 121 ўрта, 219 саккиз йиллик ва 47 бешланғич мактаб бор эди. Бу даврга келиб мактаблар сони 1959—1960 ўқув йилига нисбатан 346 тадан 387 тага, таълим олаётган ўқувчилар сони эса 75 574 дан 130 916 га кўнайд¹². Меҳнаткашлар депутатлари Сурхондарё область ижроия комитети ўзининг 1966 йил 18 мартда қақирган бешинчи сессиясида «Саккиз йиллик умумий-мажбурий таълим тўғрисидаги қонун»нинг баъжарилиши масаласини кўриб чиқиб, бу борда конкрет тадбирлар белгилади. Натижада область мактабларида 127 770 ўрнига 130 916 нафар ўқувчи таълим ола бошлади. Улардан 61549 нафари маҳаллий қизлар эди. Шу тарикқа турли сабаблар билан мактабдан кетиб қолши ҳолларига ҳам барҳам бериб берилди. Агар 1959—1960 ўқув йили давомида ўқувчилар сони 660 тага камайган бўлса, 1965—1966 ўқув йилида жами 297 нафар ўқувчига камайди, холос¹³. Бу борда маҳаллий ўзбек қизларининг асосиз сабаблар билан ўқишдан кетиб қолши ҳолларига қарши жиғдий курашиш мўҳим натижалар берди. Масалан, биргина Термиз райони: бўйича 1965—1966 ўқув йилида саккизинчи ва унчинчи синфларни 1017 нафар маҳаллий қизлар битириб чиққанлиги фикримизнинг исботидир.

Янги беш йиллик Сурхондарё халқ маорифи ходимларининг гоёвий-сиёсий жиҳатдан янада чинқиши, сафларининг кенгайишида мўҳим босқич бўлди. 1966 йилда область мактабларида 6915 ўқитувчи ёшларга таълим берган бўлса, улардан 4609 нафари олий ва тўлиққис олий, 2306 таси ўрта ва ўрта педагогик маълумотга эга¹⁴.

Шуниингдек, бу даврга келиб мактабларда таълим-тарбия ишларига раҳбарлик қилишнинг сифати ҳам тўбдан яхшилана бошлади. Жами мактаб директорларининг 302 нафари олий маълумотли педагоглар бўлиб, шулардан 54 нафари хотин-қизлардан иборат эди¹⁵.

⁸ Сурхондарё область давлат архиви, 454-ф., 3-оп., 370-ед. хр., 41-л.

⁹ Уша жойда.

¹⁰ Уша жойда, 371-ед. хр., 7-л.

¹¹ Уша жойда, 12-л.

¹² Уша жойда, 372-ед. хр., 29—30-л.

¹³ Сурхондарё область халқ маорифи бўлимининг 1965—1966 ўқув йили бўйича ҳисоботи, 30—31-бетлар.

¹⁴ Сурхондарё область давлат архиви, 454-ф., 3-оп., 372-ед. хр., 34—35-л.

¹⁵ Уша жойда, 36-л.

Бу йилларда Сурхондарё мактабларида юз берган муҳим сифат ўзгаришларидан бири ўқув ишларини меҳнат ва политехник таълим билан узвий қўшиб олиб берилганлигидир. Областининг ўрта ва саккиз йиллик умумий таълим мактаблари ҳузурида 276 устакхона бўлиб, ўқувчиларга металсослик, дурадгорлик, тикши, токарлик касблари бўйича меҳнат таълими берилди, унга 380 мутахассис—ўқитувчи раҳбарлик қилди¹⁶.

Колхоз ва совхозлар базасида 32 ишлаб чиқариш ўқувчилар бригадаси ташкил этилиб, уларга 236 гектар экин майдони ажратиб берилди. Улар ўз майдонларида пахта, маккажўхори ва полиз эканлари етиштириб, хўжаликларга яқиндан ёрдам бердилар.

Ишчи ва қишлоқ ёшларининг ишлаб чиқаришдан ажралмаган ҳолда ўрта маълумот олишларини таъминлаш мақсадида кечки мактаблар янада кўпайтирилди ва уларда таълим-тарбия ишлари бирмунча яхшиланди. Масалан: биргина 1965—1966 ўқув йилининг ўзида ишчи ва қишлоқ ёшлари мактабларида 3714 нафар меҳнаткаш вакилларининг таълим олганлиги фикримизнинг далилидир¹⁷.

1965 йил 1 сентябрдан бошлаб Термиз педагогика институтининг қайта тикланиши Сурхондарёда фаннинг ривожланиши, область мактаблари, шунингдек халқ хўжалигининг бошқа тармоқларини олий маълумотли мутахассислар билан таъминлашда жуда муҳим аҳамиятга эга бўлди. Институтнинг профессори — ўқитувчилари партия ва ҳукуматимизнинг қарорларини область меҳнаткашлари ўртасида кенг омаллаштириш билан бирга, Сурхондарёда социалистик қурилиш йиллари эришилган ютуқлари турли аспектида илмий таҳлил қила бошладилар.

Коммунистик партиянинг Қишлоқ жойларида маданий-оқартув муассасалари ишини яхшилаш ва ривожлантириш тўғрисидаги кўрсатмалари асосида область партия комитети маданий-оқартув ташкилотларининг иш фаолиятини ўрганиб, беш йилликнинг икки йили давомида 30 дан ортиқ янги кутубхона, 25 клуб қурилганлигини, Сариевнинг, Шўрчи, Шеробод районлари марказида истироҳат боғлари, Гагарин ва Денов районларида меҳнат ва жанговарлик шўхрати музейлари ташкил этилганлигини қайд қилиш билан бирга, қишлоқ маданий-оқартув муассасалари ҳали меҳнаткашларнинг ўсиб бораётган талабларига жавоб бераётганлигини уқтиради. Сурхондарё область партия комитети ўзининг 1968 йил 15 февраль қарорига асосан воҳанинг ўзоқ тоғли участкалари ҳисобланган Бойсун, Сариев, Шеробод район қишлоқларида яқин келажакка тегишли киноклублар, маданият уйлари қуриш вазифасини маҳаллий партия совет ташкилотларига топширди. Бу, КПСС XXIII съезди қарорларида алоҳида таъкидланган «Колхоз қишлоқлари аста-секин обод, уй-жойлари коммунал хизматлари, маиший корхоналари, маданий ва медицина муассасалари бўлган шаҳар типигадаги йирик аҳоли пунктларига айланади. Оқибат натижада маданий-маиший турмуш шароити жиҳатидан шаҳар аҳолиси билан тенглашади»¹⁸— деган кўрсатмасини маҳаллий партия ташкилотлари изчиллик билан ҳаётга тадбиқ қилганлигидан дарак беради.

Янги беш йилликда область маданият бошқармаси, унинг жойлардаги барча ташкилотлари воҳа меҳнаткашларини, хусусан, ёшларни коммунистик руҳда тарбиялаш вазифасига алоҳида эътибор берди. Санъат намуналарини, янги социалистик урф-одатларни кенг тарғиб қилиш билан кишилар ҳаёти ва ахлоқида сақланиб келаётган айрим эскилик диний қолдиқларга зарба ҳам бериб борилди. 1967 йилда Гоголь номидаги Сурхондарё область кутубхонасига аъзо бўлган китобхонларнинг 4 мингдан ортиғи комсомол-ёшлар эди. Кутубхона ходимлари томонидан ёш китобхонлар учун 100 дан ортиқ суҳбат ва бир неча адабий кеча, китобхонлар конференцияси ўтказилди.

Меҳнаткашларнинг моддий-маданий турмуш шароити юксалиши билан уларнинг музика санъатига бўлган талаблари ошиб берди. Шунинг учун ҳам 1966—1970 йилларда область музика ва театр ҳаётида бир қатор муҳим ўзгаришлар амалга оширилди. Фарғона область музикали драма театри томонидан 1966 йилда меҳнаткашларга 101 концерт ва 244 спектакл намойиш қилинди.

1967 йил давомида район ва қишлоқ клублари ҳузурида 80 дан ортиқ халқ театрлари ва бадий хаваскорлик коллективлари санъатнинг беш жири бўйича аҳолига хизмат қилдилик, унга ишчи, колхозчи, хизматчи ва ўқувчи-ёшлар ичидан етишиб чиққан 1170 ҳаваскор санъаткорлар актив иштирок этди.

Бу даврда аҳолига медицина хизмати кўрсатиш тўғрисида яхшиланди. 1967 йилда Сурхондарёда 600 малакали врач, 3200 ўрта медицина маълумотига эга бўлган ходимлар халқ соғлигини муҳофазат қилди. Область бўйича 400 даволаш муассасалари, 6 миң ўринга эга бўлган касалхоналар, 47 аптека ва 450 аптека пунктлари, 2 санатория аҳоли саломатлиги учун хизмат қилди. Медицина муассасаларини қуриш учун бир йилда 5 миллион 400 миң сўм маблағ ажратилди¹⁹.

1966—1968 йиллар давомида қишлоқ жойларида 204,5 миң квадрат метр турар жой, 21,7 миң ўринли мактаблар, 8,6 миң ўринли клуб ва кинотеатр қурилди; 25,9

¹⁶ Уша жойда, 39-л.

¹⁷ Уша жойда, 373-ед. хр., 7-л.

¹⁸ КПСС XXIII съезди материаллари, Тошкент, 1966, 279-бет.

¹⁹ «Ленинское знамя» газетаси, 1968 йил 15 июнь.

минг колхозчи хонадонлари газлаштирилди, электрлаштирилди, колхоз ва совхоз меҳнаткашларининг иш шaroитини яхшилаш мақсадида 185 дала шийпонлари қурилди²⁰.

Сурхондарё халқ маориф 1966—1970 йилларда янги тараққиёт босқичига кўтарилди. 1970 йилга келиб мактаблар сони 436 га етди, улардан 261 таси ўрта умумий таълим мактаблари эди. Барча типдаги мактабларда 179 минг нафар меҳнаткаш болалари тарбияланди. Уларга 9069 малакали ўқитувчи фан сирларини ўргата бошладилар²¹.

Маълумотлар далолатига кўра, беш йилликнинг охири—1970 йилга келиб Сурхондарё области халқ хўжалигининг бошқа соҳаларида бўлганидек социалистик маданиятни янада ривожлантириш бeрасида ҳам муҳим ютуқларга эришилганлигини кўраемиз. Экономиканинг тобора ривожланиши қонуний равишда меҳнаткашларнинг моддий фаровонлиги ва маданий турмуш даражасининг янада яхшиланганига олиб келди. Бу ҳол, меҳнаткашлар ижтимоий дунёқараши ва маданий-техникавий савиясининг янада юксалишига асос бўлди. Шунинг учун ҳам Сурхондарё область партия ва совет ташиқлотлари меҳнаткашларнинг эҳтиёжларини ҳисобга олган ҳолда маданият муассасаларининг ишини омма талабига жавоб берадиган даражага олиб чиқиш ыазифасини қўйди.

Беш йилликнинг охирига келиб 232 киноустановка, 191 клуб муассасалари, 346 кутубхона, 14 халқ театри ва ансамбллари, 200 дан ортиқ бадий ҳаваскорлик коллективи, 57 халқ университети, 436 умумий таълим мактаблари, 103 та боғча ва ясли, 79 та болалар ва хотин-қизлар консултацияси, 81 касалхона²² ва шунга ўхшаш қатор муассасалар область меҳнаткашларининг турли эҳтиёжларини хизмат қилди. 90 мингдан кўпроқ колхозчи ва совхоз ишчиларининг хонадон радиолоштирилди. Меҳнаткашлар ўртасида область «Билим» жамиятининг 170 бошланғич ташиқлоти аъзоси томонидан ижтимоий-сиёсий, коммунистик ахлоқ, техника ва қишлоқ хўжалиги, медицина ва санъат масалалари бўйича 36 минг 954 та лекция ўқилди. Область зиёлиларининг энг илгор отряди ҳисобланган 883 малакали врач, 9063 нафар ўқитувчи партия ва ҳукуматимизнинг қарорларини оммага етказишда муҳим роль ўйнадилар. Беш йиллик давомида 30 дан ортиқ мутахассислар иттифоқимизнинг турли илмий муассасаларида аспирантурани ўтаб, фан кандидати илмий даражасини олдидлар. Академик Ойбек номидаги Термиз Давлат педагогика институти республикамизнинг жанубидаги асосий маданий-илмий марказга айланди. КПСС XXIV съезди ҳужжатларида қайд этилганидек, ҳақиқатда ҳам «ўтган беш йилликда адабиётимиз, театримиз, киномиз, телевидениемиз, тасвирий санъатимиз, музикамиз совет кишиларига кўпгина янги, мароқли, талантли асарлар армуғон қилди»²³. Бу юксак баҳога сазовор бўлишда Сурхондарё маданий муассасаларининг ҳам сэлмоқли ҳиссаси бор.

Ҳозирги ривожланган социалистик жамият шароитида коммунистик идеологиянинг асосий вазифаларидан бири— коммунистик эътиқодни инсонни тарбиялаш экан, жамиятимиз барча маданият муассасаларидан ўз фаолиятини шу меъёрга ташиқл этишни тақозо этмоқда. Бугунги кунда бутун республикамизда бўлганидек, Сурхондарё воҳасидаги 207 клуб, 300 кутубхона, 19 халқ театри ва ансамбли, 234 бадий ҳаваскорлик коллективи, 277 киноустановка, 79 халқ университети, область халқ ижодий уйи, ўлкани ўрганиш музейи, область музикали драма театри каби маданий муассасалар шонли 50 йиллик юбилейга актив тайёргарлик кўрмоқда.

Термиз Давлат педагогика институтининг 200 га яқин профессор-ўқитувчилари иттифоқ ва республикамизнинг йирик олимлари раҳбарлигида 11 проблема бўйича иш олиб бормоқда.

Ҳозирги кунда Сурхондарё область халқ маорифи бўлимига қарашли 472 та умумий таълим мактаблари бўлиб, уларда 218 458 ўғил-қизлар ўқимоқда. Уларга 11 300 малакали ўқитувчилар турли фанлар бўйича таълим бeришмоқда²⁴. Халқ маорифини ривожлантиришдаги узоқ йиллик хизматлари учун областнинг 286 ўқитувчиси давлатимизнинг орден ва медаллари билан мукофотланди, 56 кишига «Ўзбекистон ССРда хизмат кўрсатган ўқитувчи», 467 кишига «Халқ маорифи аълочиси» унвонлари берилди. Бугунги кунда 24 мингдан ортиқ олий ва ўрта махсус маълумотга эга бўлган мутахассислар область халқ хўжалигининг турли соҳаларида хизмат қилмоқдалар.

Шундай қилиб, «Коммунистик партиянинг доно раҳбарлигида, ленинча илмий-сиёсат изчиллик билан амалга оширилганлиги туфайлигина ўзбек халқи кўп сонли малакали кадрларни етиштиришига... халқ турмушининг моддий фаровонлигини ва ма-

²⁰ Сурхондарё область партия комитетининг 1969 йил 24 октябрь қарори.

²¹ Сурхондарё область халқ маорифи бўлимининг 1969—1970 ўқув йили бўйича ҳисоботи.

²² Ўзбекистон ССР халқ хўжалиги, Тошкент, 1972, 283-бет.

²³ Л. И. Брежнев. КПСС Марказий Комитетининг Совет Иттифоқи Коммунистик партияси XXIV съезидга ҳисобот доклади, Тошкент, 1971, 116-бет.

²⁴ «Ленин байроғи» газетаси, 1974 йил 18 январь.

даниятини юсак даражада оширишга, омманинг ва халқ талантларининг ижодкорлик ташаббусини ривожлантиришга муваффақ бўлди»²⁵. Шунинг учун ҳам қисқа вақт ичида Сурхондарё ўзининг ўтмишидаги барча қолоқликларига барҳам бериб, юсак тараққий этган социалистик воҳага айланди.

²⁵ Ўзбекистон Совет Социалистик республикасининг ва Ўзбекистон Коммунистик партиясининг 50 йиллиги тўғрисида Ўзбекистон Коммунистик партияси Марказий Комитетининг қарори, «Совет Ўзбекистон» газетаси, 1973 йил 25 декабрь.

М. Олтинов

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИКО-МАССОВОЙ РАБОТЫ СРЕДИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА УЗССР (1933—1937)

В годы второй пятилетки, когда сельское хозяйство страны, в том числе Узбекистана, прочно становится на рельсы социализма, Коммунистическая партия, Советское государство, общественные организации трудящихся проделали большую политико-массовую работу на селе, сыгравшую огромную роль в социалистическом перевоспитании сельских труженников, повышении их классовой сознательности, утверждения в них духа коллективизма, нового отношения к труду и общественной собственности, формировании новых традиций и нового быта, непримиримости к классовому врагу, любым проявлением чуждой нам идеологии старого мира.

Неоценимый вклад в развертывание политико-воспитательной работы в деревне внесли созданные по решению объединенного январского (1933) Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) политотделы при МТС и совхозах. «Одной из главных задач создания политических отделов МТС и совхозов, — говорилось в резолюции январского Пленума, — является усиление партийно-организационной и политической работы на селе, социалистическое воспитание вчерашних единоличников и превращение их в активных строителей нового общества»¹.

XVII съезд партии (январь-февраль 1934 г.) вновь указал на необходимость усиления идеологической работы в массах, воспитания всех коммунистов и беспартийных трудящихся в духе марксизма-ленинизма².

Претворяя в жизнь эти решения, ЦК КП(б)Уз направил на работу в политотделы свыше 350 коммунистов. Всего в 1933—1934 гг. в УзССР было организовано 110 политотделов МТС и совхозов³. К этому времени в сельских местностях республики имелось 2246 парторганизаций, в том числе 98 совхозных (объединявших 1443 коммуниста) и 1747 колхозных (15 771 коммунист)⁴.

Опираясь на растущий комсомольский и беспартийный актив, политотделы и местные парторганизации всемерно совершенствовали и расширяли формы и методы массовой политико-воспитательной работы на селе.

Политотделы организовывали и проводили партийные дни, политдни, коллективные читки газет и журналов, беседы с беспартийным активом, разнообразную политико-воспитательную работу среди колхозников, рабочих совхозов и МТС, умело сочетая ее с организационно-хозяйственными мероприятиями. Пропаганда и агитационно-массовая работа в руках политотделов стали могучим оружием воспитания колхозников, борьбы за преодоление мелкобуржуазных пережитков в сознании людей.

Особенно важное значение в повышении идейно-политического уровня колхозников имела сеть партийного просвещения, которая создавалась во многих сельских партийных ячейках. Организуемые при них политкружки охватывали не только коммунистов и комсомольцев, но и сочувствующих беспартийных колхозников. Например, в колхозах Зеленского района в 1933 г. был организован 21 политкружок с охватом 505 человек⁵.

Политкружки вели большую работу по воспитанию колхозников в духе коллективизма. Городские партийные комитеты активно содействовали кишлачным партийным организациям в создании таких кружков и улучшении их работы. В Андижане, например, горком помог организовать политкружки по изучению решений XVII съезда партии в 38 колхозах. Для проведения занятий в кружках были выделены руководители из городского партактива⁶.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, изд. 7-е, ч. 3, М., 1954, стр. 194.

² Там же, стр. 223.

³ Труды ТашГУ им. В. И. Ленина, кн. 13, Ташкент, 1962, стр. 158.

⁴ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, 1964, стр. 264.

⁵ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 9, д. 427, л. 19.

⁶ Борьба за хлопок, 1934, № 6—7, стр. 12.

В декабре 1935 г. состоялся Пленум ЦК КП(б)Уз, на котором были подвергнуты критике недостатки в деле идейно-политического воспитания коммунистов и намечен ряд мероприятий по улучшению марксистско-ленинской учебы.

В соответствии с решениями Пленума была реорганизована сеть партийного просвещения на местах, создавались кружки и курсы и по изучению истории партии, основ марксизма-ленинизма, Программы и Устава партии, текущей политики. Учеба партактива велась на специально созданных курсах. В систематическую партийную учебу все шире вовлекались рядовые коммунисты⁷.

Для улучшения работы сети партийного просвещения в ряде районов практиковалось прикрепление к каждому политкружку пропагандистов и агитаторов, утвержденных на бюро горкомов и райкомов партии. Так, на заседаниях бюро Алтынаркского райкома КП(б)Уз на 1936 г. были утверждены 26 пропагандистов и 22 агитатора для работы в политкружках⁸.

В сети партийного просвещения Бекбудинского района в 1936 г. работало 17 парткружков, где занималось 140 членов партии, 15 кандидатов, 38 сочувствующих, 103 комсомольца, а всего 414 человек⁹.

Одной из лучших форм пропаганды среди колхозного дехканства было проведение политдней. Например, в весеннюю посевную кампанию 1933 г. в Андижанском районе политдни проводились в 35 колхозах¹⁰. Политдни вполне оправдали себя как эффективный метод разъяснения массам важнейших решений партии и правительства, вопросов международного положения, очередных задач социалистического строительства. Они способствовали мобилизации трудовой и общественно-политической активности колхозников.

Решением Бюро ЦК КП(б)Уз от 26 января 1933 г. было предложено проводить политдни в колхозах и совхозах не реже одного раза в месяц¹¹. В качестве основной формы проведения политдней ЦК рекомендовал конкретные ответы на заранее собранные вопросы колхозников и рабочих совхозов. Иногда практиковались и тематические политдни, например агротехдни.

Агитмассовый отдел ЦК КП(б)Уз организовал регулярное проведение политдней в крупных колхозах и совхозах силами партактива (например, в совхозе «Баяуз», колхозе «Ленин юли» Янгикурганского района, колхозе «Коммунизм» Кокандского района, колхозах Старо-Бухарского района и др.)¹².

Важную роль в улучшении политико-массовой работы сыграли колхозные университеты. Они способствовали доведению до широких масс колхозников материалов партийных съездов и других важнейших решений партии и правительства. Так, колхозные университеты Ходжентского, Икрамовского, Каттакурганского районов посвящали первые свои занятия изучению материалов XVII съезда партии¹³.

Полезный вклад в усиление политико-массовой работы среди беспартийных колхозников вносили партийные кабинеты, где подбирались соответствующая литература, проводились лекции, беседы, доклады.

Под руководством Коммунистической партии Узбекистана немалых успехов в политико-массовой работе в кишлаке добилась комсомольская организация республике. Например, в Багдадском районе в 1936 г. было организовано 79 комсомольских политкружков¹⁴. Политотделы выделяли руководителей из лучших коммунистов, которые оказывали комсомольским политкружкам практическую помощь в изучении истории партии¹⁵.

На 1 апреля 1936 г. в целом по республике 1971 школа и политкружок охватывали 13 088 членов и 9401 кандидата партии, 4543 сочувствующих, 10 030 комсомольцев и 9188 беспартийных, а на 1 июля 1936 г. в партийной организации республики действовало 2525 политкружков с охватом 13 562 коммунистов, 9444 кандидатов, 5170 сочувствующих, 8647 комсомольцев и 2254 беспартийных¹⁶.

В идейно-политическом воспитании масс широко использовалась периодическая печать, в том числе многотиражики политотделов, ставшие действенным орудием борьбы за большевистские колхозы. В Узбекистане были созданы 62 политотделские газеты с разовым тиражом около 150 тыс. экз.¹⁷ Особенно активно работали они в период

⁷ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана, стр. 276.

⁸ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 12, д. 770, л. 53.

⁹ Там же, л. 54.

¹⁰ Там же, оп. 9, д. 17, л. 8.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 9.

¹³ Борьба за хлопок, 1934, № 6—7, стр. 12.

¹⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 12, д. 772, л. 191.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, д. 213, л. 58.

¹⁷ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана, стр. 265.

посевных и уборочных кампаний. Средаполитсектор Уполнаркомзема СССР и редакция газеты «Правда Востока» объявили конкурс на лучшую политотдельскую газету. Конкурс способствовал росту идейно-политического уровня печатных органов политотделов. Первое место заняла газета «Хосият учун» — орган политотдела Касансайской МТС. Она организовала, в частности, ряд рейдов проверки готовности колхозов к посевной кампании с участием до 1000 человек. По инициативе газеты лучшие школьники были привлечены для громкой читки газет и литературы на полевых станках¹⁸.

Для подъема активности колхозных масс в период посевной газета «Хосият учун» организовала выездную «арбу-редакцию» в составе женработников, комсомольских организаторов и медперсонала. «Арба-редакция» проводила вечера самодеятельности, громкие читки газет и т. д. Ее силами было организовано 14 общеколхозных и 63 бригадные стенгазеты, в которых сотрудничало много декоров из колхозников-активистов. Газета «Хосият учун», имея свыше 160 дехканских корреспондентов, организовала в 38 колхозах посты по борьбе с почвенной коркой, сельхозвредителями и паводками. В колхозах им. Держинского и Ворошилова, где сельхоззайственные бригады и «арба-редакция» проявляли особую активность, весенний сев был закончен досрочно. Разъезжавшая с «арбой» врач Зенкина обслужила 250 больных¹⁹.

Принимавшая участие в конкурсе газета «Олга» — орган политотдела Верхне-чирчикской МТС — также развернула большую массовую работу с участием сельского актива. По инициативе газеты были организованы «сумка урожайности» и внутрирайонный колхозный конкурс бригадиров²⁰. К XVII годовщине Октября газета выпустила фотокнигу ударников хлопковых полей, а также макет колхозной и бригадной стенгазет.

С помощью политотдельских газет значительно выросла сеть колхозных и бригадных стенгазет. Еще в 1933 г. они насчитывались единицами, а в 1934 г. — уже сотнями. Только в зоне Касансайской МТС выпускалось 54 колхозных и 80 бригадных стенгазет²¹.

Местная печать постепенно завоевывала авторитет среди трудящихся, что отражалось на увеличении разовых и годовых тиражей. Например, газета «Колхозчи», орган Зеленского РК КП(б)Уз, повысила свой тираж до 5000 экз. в 1934 г. против 2500 в 1933 г.²²

Больших успехов достигла и республиканская печать, уделявшая немало места вопросам политико-массовой работы в кишлаке. Если в 1932 г. в Узбекистане издавалась 132, то в 1937 г. — 202 газеты²³. В 1938 г. республиканская ежедневная газета «Кизил Узбекистан» выходила разовым тиражом 85 тыс. экз., а «Правда Востока» — 100 тыс. экз. В целом разовый тираж газет на узбекском языке вырос с 519 тыс. экз. в 1933 г. до 566 тыс. экз. в 1938 г.²⁴ Кроме того, ряд газет выходили на каракалпакском, уйгурском, таджикском и других языках.

Важную роль в массово-политической агитации играли кино и радиовещание. По сравнению с 1914 г. общее количество киноустановок по Узбекистану в 1938 г. выросло в 22,5 раза. Если до революции в кишлаках Узбекистана не было ни одной киноустановки, то в 1938 г. на селе насчитывалось 294 киноустановки, в том числе 220 звуковых²⁵. Художественные и документальные фильмы воспитывали колхозников в духе идей коммунизма.

В 1934 г. в УзССР было создано 78 радио-партаудиторий, а Кокандский политотдел организовал по радио серию лекций по партийному просвещению. Политотдел Янгйульской МТС провел в радио-партаудиторных сериях лекции по здравоохранению и организации труда в колхозах²⁶. Если в 1931 г. в колхозах республики было 35 радиоустановок, то в 1936 г. — 138 радиоустановок со 20 412 трансляционными точками²⁷.

В социалистическом перевоспитании масс самое активное участие принимала растущая сеть культурно-просветительных учреждений — клубов, красных чайхан, домов деханина, красных уголков, библиотек и др.

¹⁸ Борьба за хлопок, 1934, № 6—7, стр. 14.

¹⁹ Там же.

²⁰ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 10, д. 424, л. 19.

²¹ Борьба за хлопок, 1934, № 6—7, стр. 14.

²² Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 9, д. 427, л. 19.

²³ Печать Узбекской ССР. Статистические материалы к 40-летию Советской власти в Узбекской ССР за 1917—1963 гг., Ташкент, 1964, стр. 53.

²⁴ Узбекистан за 15 лет. Статистический сборник, Ташкент, 1939, стр. 88.

²⁵ Там же, стр. 87.

²⁶ Борьба за хлопок, 1934, № 6—7, стр. 14.

²⁷ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 8, д. 7, л. 108; оп. 13, д. 1174, л. 88.

В конце первой пятилетки в кишлаке имелось 205 клубов, в конце второй — 639, а в 1938 г. — 749²⁸. Если в 1925/26 г. в УзССР было 14 домов دهканина, то в 1937 г. — свыше 100²⁹. Красных чайхан и красных уголков в 1925/26 г. было 168, а в 1936 г. — 3628³⁰.

При сельских клубах, красных чайханах и уголках создавались всякого рода кружки, коллективы народного творчества, художественной самодеятельности. Участники этих коллективов выступали в колхозах, совхозах, МТС, на районных, областных, республиканских смотках, конкурсах и т. д.

Многие учреждения культпросвета создавались силами самих колхозов и колхозников, по инициативе коммунистов и комсомольцев. Так, комсомольцы колхоза им. Косарева Зеленского района своими силами построили красную чайхану, которая не уступала городским клубам. Там имелись читальня, курсы ликбеза, радиогромкоговоритель, шашки, шахматы и др. Комсомольцы проводили в клубе громкие читки газет и журналов, лекции и беседы³¹.

Огромную роль в коммунистическом воспитании колхозных масс, повышении их культурного уровня играли сельские библиотеки. В соответствии с решениями XVII партконференции и XVII съезда партии за годы второй пятилетки сеть кишлачных библиотек в УзССР должна была увеличиться втрое. Вместе с тем был организован всесоюзный конкурс на лучший район по постановке библиотечного дела в деревне³². Конкурс способствовал улучшению работы сельских библиотек и расширению их сети. В УзССР было открыто 18 новых районных, 68 городских и сельских и 122 клубные библиотеки. Четыре библиотеки были признаны образцовыми, а 308 библиотек премированы³³. Многие сельские библиотеки получили новые благоустроенные помещения; в колхозах и совхозах было организовано немало передвижных библиотек.

Если в 1932 г. в кишлаках Узбекистана действовали 234 стационарные и 79 передвижных библиотек с книжным фондом 301 300 экз.³⁴, то в 1938 г. в сельских местностях стало 975 массовых библиотек, имевших в общей сложности 729 400 экз. книг³⁵. Деятельность сельских библиотек во многом способствовала росту культурно-политического уровня колхозного крестьянства.

В улучшении библиотечного дела немалую роль сыграли Постановление ЦИК СССР «О библиотечном деле в Советском Союзе» (27 марта 1934 г.)³⁶ и Постановление ЦИК УзССР «О библиотечном деле в Узбекистане» (27 мая 1934 г.)³⁷. На основе этих постановлений был создан центр по руководству всей библиотечной работой в республике — Совет по библиотечному делу. Наркомпрос республики получил право открыть республиканский библиотечный техникум. При окрОНО были учреждены библиотечные отделы и введена должность библиотечного инспектора. Для обслуживания колхозов при МТС было открыто 10 опорных библиотек. В целях подготовки квалифицированных кадров были организованы 6- и 8-месячные курсы библиотечных инструкторов и организаторов, выпустившие уже в 1935 г. 270 специалистов³⁸.

В 1937 г. был предусмотрен прием 105 учащихся в Ташкентский библиотечный техникум, а осенью того же года в библиотечном техникуме открылось заочное отделение. Братскую помощь в подготовке специалистов для библиотек республики оказали центральные учреждения Москвы и Ленинграда.

Таким образом, за годы второй пятилетки партийная организация Узбекистана проделала значительную работу по расширению и совершенствованию всех средств, форм и методов культурно-политического воспитания труженников села, что имело огромное значение в формировании в республике качественно нового класса — колхозного крестьянства — активного союзника рабочего класса в борьбе за общее дело победы социализма и коммунизма в нашей стране.

М. Жураев

²⁸ Узбекистан за 15 лет, стр. 86.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-94, оп. 1, д. 494, л. 1.

³⁰ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 1, д. 2018, л. 8.

³¹ Там же, оп. 10, д. 129, л. 47.

³² Бюллетень Наркомпроса РСФСР, М., 1935, № 24, стр. 7—9.

³³ Архив Наркомпроса УзССР, оп. 2/70, д. 33, л. 15.

³⁴ Там же, оп. 5/120, д. 26, л. 65—67.

³⁵ Узбекистан за 15 лет, стр. 85.

³⁶ Материалы к истории библиотечного дела в СССР (1917—1955 гг.), Л., 1960, стр. 109—115.

³⁷ Архив Наркомпроса УзССР, оп. 1/69, д. 7, л. 30.

³⁸ Там же, оп. 2/70, д. 15, л. 29.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОЖЕВЕННО-ОБУВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ТУРКЕСТАНА КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

В конце XIX — начале XX в. в экономике колониального Туркестана происходят существенные сдвиги, связанные прежде всего с проникновением в край российского капитализма и развитием под его влиянием национального капитала. Эти процессы можно проиллюстрировать, в частности, на примере социально-экономических изменений в кожевенно-обувном производстве. До середины XIX в. в этой отрасли, как и во всем ремесленном производстве среднеазиатских ханств, основную роль играли кустарные мастерские феодального типа. С присоединением края к России и превращением его в аграрно-сырьевой придаток метрополии сюда все шире проникают новые, капиталистические отношения.

Некоторые хозяева крупных кожевенных мастерских, развивая свое производство, превращаются в предпринимателей, эксплуатировавших своих работников не только старыми, но и новыми, капиталистическими методами. Прежде всего это были русские капиталисты — Хлудов, Кувайцев, Тезиков, Зубков, и другие в Ташкенте, Вольфзон в Фергане, Желонин, Медведчиков в Самарканде и др.

Вначале их кожевенные заведения технически мало чем отличались от предприятий кустарного типа. Постепенно отдельные капиталисты расширяют объем производства, оснащают его новой техникой и превращают свои заведения в довольно крупные по тому времени кожевенные заводы. Например, бывший мастер кожевенного дела Тезиков, работая у Кувайцева, купил его завод и вскоре превратил его в одно из крупных кожевенных предприятий Туркестана. Затем он открыл другие предприятия, оставив их лучшей по тем временам техникой, и в непродолжительное время превратился в крупного воротилу-маллионера.

В Амударьинском отделе Сырдарьинской области, близ Петро-Александровска, еще до 80-х годов XIX в. существовал кожевенный завод оренбургской купчихи Пеньковой, где работали русский мастер, 12 чернорабочих из русских и 16 из местных национальностей. Все они были вольнонаемными. Завод давал 52 500 кож в год на 35 400 руб. Там было установлено 27 различных станков; в производстве применялись дорогие дубители и краски, привезенные из Оренбурга².

Крупный кожевенный завод Вольфсона существовал в 1881 г. в Новом Маргилане (Ферганская область). Там имелись отдельные корпуса для производства и склады для готовых кож, специальные помещения для мастера и рабочих. На заводе действовали 20 дубильных станков. Объем производства составлял 8 тыс. кож в год на 12 тыс. руб.³ Этот завод выполнял заказы военного интенданства. Так, в источниках отмечается, что он должен был заготовить для интенданства 20 тыс. подошв, 13 тыс. подметок, 10 тыс. голенищ, 20 тыс. передков⁴.

В Самарканде в 1895 г. действовали кожевенные заводы Желонина и Медведчикова, где работали от 10 до 20 рабочих. При заводах имелась водяная толчея для размельчения дубителя (коры)⁵.

В конце XIX в. появились сравнительно крупные кожевенные заводы в Ташкенте со значительным количеством рабочих и довольно широким объемом производства.

Таким образом, еще в последней четверти XIX в. русскими предпринимателями в городах и уездах края были построены новые кожевенные заводы капиталистического типа, где мастерами были русские, а рабочие были из русских и местных национальностей. Свою продукцию они реализовали на местах или вывозили в другие районы.

Многие кожевенные заведения капиталистического типа принадлежали местным предпринимателям. Например, в Самаркандской области в конце XIX в. из 19 кожевенных заводов 15 принадлежали местным владельцам⁶.

В Ташкенте, по данным 1891—1898 гг.⁷, зафиксировано 18 кожзаводов местных предпринимателей. Годовой объем производства в них варьировал от 400 до 42 000 выделанных кож на сумму от 4 тыс. до 145 тыс. руб., количество рабочих — от 5 до 20 человек.

В Ферганской области в 1900 г. из 8 кожевенных заводов 7 принадлежали местным предпринимателям.

¹ ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 18926, л. 6; ф. И-18, оп. 1, д. 5877, л. 60б; ф. И-19, оп. 1, д. 28102, л. 1.

² Там же, ф. И-1, оп. 16, д. 1193, л. 2, 3.

³ Там же, ф. И-19, оп. 1, д. 30693, л. 4—5.

⁴ Там же, л. 6.

⁵ Там же, ф. И-18, оп. 1, д. 5877, л. 6.

⁶ Обзор Самаркандской области за 1898 год. Самарканд, 1900. Приложение.

⁷ См.: ЦГА УзССР, ф. И-36, д. 3298, л. 53—63; д. 3390, л. 96, 101; ф. И-269, оп. 1, д. 148, л. 52—66.

В кожевенно-обувном производстве расширялось применение наемного труда, внедрялись более совершенные орудия и средства производства, росло разделение труда и постепенно повышалась его производительность, «стимулируемая» жестокими формами эксплуатации рабочих.

Новые черты, появившиеся в кожевенном производстве Туркестана, свидетельствовали о переходе его в стадию капиталистической мануфактуры. На крупных кожевенных предприятиях практиковалось то самое «действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте... для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста», которое К. Маркс считал «исторически и логически исходным пунктом капиталистического производства»⁸.

Следует отметить, что первые капиталистические кожевенно-обувные предприятия как бы «тонули» в общей массе мелких кустарных кожевенно-обувных заведений.

В. И. Ленин указывал, что «отличие капиталистической мастерской сначала только в числе одновременно занимаемых рабочих»⁹.

Действительно, первые туркестанские кожевенные предприятия мануфактурного типа отличались от мелкой кустарной мастерской вначале лишь числом рабочих, размерами и количеством дубильных чанов. В обоих случаях производство характеризовалось «совершенно примитивной, ручной техникой, которая оставалась неизменной чуть ли с незапамятных времен»¹⁰.

Постепенно мануфактура вводила разделение труда, превращавшее мелкого кустаря «в детального рабочего». Однако «ручное производство остается, и на его базисе прогресс способов производства неизбежно отличается большой медленностью»¹¹.

Только на крупных фабрично-заводских предприятиях с новой техникой создавались необходимые условия для развития производства на новых, индустриальных началах. Но «пока капитализм не организовал в России крупной машинной индустрии, и в тех отраслях промышленности, в которых он еще не организовал ее... наблюдаем... полный застой техники, мы видим употребление того же ручного станка, той же водяной и ветряной мельницы, которые применялись в производстве века тому назад»¹².

Эта характеристика тем более отвечала условиям кожевенно-обувной мануфактуры в колониальном Туркестане. И тем не менее здесь все явственнее шел процесс развития капиталистических отношений, особенно в сфере действия крупного капитала.

Наиболее значительные кожевенные предприятия края находились во владении или аренде русских промышленников. Большинство же (в основном мелких) кожевенных заведений принадлежало местным предпринимателям. Так, по данным торгово-промышленного отдела Туркестанского края, в начале XX в. в Ташкенте числилось 26 кожзаводов, в том числе заводы братьев Тезиковых и Торгового дома Иванова, а остальные кожевенные заведения принадлежали местным заводчикам. Аналогичная картина наблюдалась в Самарканде и других городах края.

Таким образом, основная масса кожевенно-обувных предприятий принадлежала местному торгово-промышленному капиталу, но последний находился в зависимости от крупного российского торгово-финансового и промышленного капитала, и зависимость эта все более усиливалась по мере развития российского империализма, хозяйничавшего в экономике колониального Туркестана.

Что касается массы кустарей, занятых в кожевенном производстве, то они все глубже увязали в кабале у скупщиков, заводчиков, торгово-промышленных товариществ и фирм, отрезавших кустаря от источников сырья и рынка сбыта готовых изделий. Скупщики снабжали ремесленников по вздутым ценам сырьем и материалами, опутывали их ростовщическим кредитом и навязывали им крайне низкие цены за готовую продукцию, которую сбывали затем по спекулятивным ценам на рынке.

У мелкого кустаря, как отмечал В. И. Ленин, в этих условиях имелось лишь два пути. Один путь вел к капиталистическому производству, основанному на эксплуатации наемной рабочей силы. Такая перспектива открывалась лишь перед наиболее зажиточными ремесленниками. Основная же масса их была обречена на разорение, утрату экономической самостоятельности и превращение в наемных рабочих. Мелкие кустарные заведения, не выдерживая конкуренции с фабричным производством, вытеснялись из экономической жизни, а вместе с тем шла концентрация производства на крупных предприятиях. Например, в «старом городе» Ташкента в 1878 г. было 120 кустарных кожевенных мастерских с 244 наемными рабочими, а в 1898 г. — 80 с 214 рабочими¹³. Вместе с тем количество крупных кожевенных заводов

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 333.

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 354.

¹⁰ Там же, стр. 543.

¹¹ Там же, стр. 544.

¹² Там же.

¹³ ЦГА УзССР, ф. И-36, оп. 1, д. 1543, л. 56; ф. И-269, оп. 1, д. 148, л. 32.

в Ташкенте увеличилось с 3 в 1879 г. до 25 в 1911 г., а число рабочих там выросло с 24 до 200 человек¹⁴.

Таких фактов можно привести очень много. Они свидетельствуют о развитии капиталистических отношений и в кожевенно-обувном производстве колониального Туркестана, вытеснении кустарного ремесла капиталистической мануфактурой, разорении широкой массы ремесленников, ставших одним из важнейших источников пополнения растущих рядов туркестанского пролетариата, все активнее вступавшего в классовую борьбу с эксплуататорами всех мастей.

Р. З. Джалалов

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 3686, л. 20; Обзор Сыр-Дарьинской области за 1911 год, Ташкент, 1913, стр. 128.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЕРЕБРЯНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ XVII ВЕКА

Как известно, вопросами обращения джанидского серебра основательно занималась Е. А. Давидович, посвятившая им большую главу в своей фундаментальной работе о монетах Джанидов¹. За последнее десятилетие появились новые нумизматические материалы, позволяющие, на наш взгляд, несколько иначе осветить отдельные моменты обращения джанидского серебра. Рассмотрим вкратце точку зрения Е. А. Давидович и ее аргументацию по данному вопросу.

Судя по проанализированным Е. А. Давидович юридическим документам XVII в., все обращавшиеся тогда серебряные монеты делятся на две группы: теньги «старые» и теньги «тридцатидинаровые, ходячие в данное время», т. е. новые. «Новые» теньги, следовательно, приравнивались к 30 медным динарам, «старые» же — к какому-то меньшему числу. В документах «старые» теньги определены еще какой-то десятичной дробью: теньги «девяти-десятые», «восьми-десятые», «шести-с-половиной-десятые» и т. д. Этими терминами, считает Е. А. Давидович, определялось отношение «старых» монет к «новым», тридцатидинаровым, т. е. «девяти-десятая» теньга равнялась 27 динарам, «восьми-десятая» — 24 и т. д. Иными словами, «старые» монеты имели различный курс, причем для XVII в. по документам зафиксировано девять разных курсов.

Курс тех или иных «старых» тенег, по мнению Е. А. Давидович, определяла их проба. На это указывает, в частности, тот факт, что в двух документах «шести-десятые» монеты дополнительно определены как «уменьшенные на десять нахудов». Это выражение Е. А. Давидович понимает в том смысле, что на десять нахудов было уменьшено содержание серебра в теньгах по сравнению с идеально высокопробными (100% серебра), но никогда не чеканившимися в действительности монетами. Оба документа относятся к середине XVII в., и химический анализ самих монет того времени как будто подтверждает такое предположение: в них содержится около 6/10 частей серебра и 4/10 (примерно 2 г, или 10 нахудов) лигатуры. Процентное соотношение серебра и лигатуры в других подвергнутых анализу джанидских монетах XVII в. в каждом случае более или менее соответствует тому соотношению, которое зафиксировано, по мнению Е. А. Давидович, в юридических документах («девяти-десятые», «восьми-десятые» и т. д.).

Анализ документов привел Е. А. Давидович к заключению, что одновременно обращались монеты разных проб и разных курсов. При столь сложной картине обращения серебра нужен был совершенно определенный практический критерий для различения разнопробных и разнокурсных тенег. Таким критерием, согласно Е. А. Давидович, был тип монет, их внешнее оформление. Типовое же разнообразие джанидских тенег свидетельствует о частых курсовых перегруппировках, в результате которых вновь выпущенные монеты ходили по принудительному курсу, а все прежние объявлялись «старыми» и обращались на рынке, а также принимались в казну по качеству металла. Все это должно было приносить казне немалый доход.

Таким образом, нарисованная Е. А. Давидович картина обращения серебра в XVII в. выглядит хотя и весьма сложной, но на первый взгляд, достаточно убедительной. Попытаемся, однако, представить конкретно, как совершались торговые сделки с использованием тенег в XVII в. Лучшему пониманию этого процесса поможет анализ новогоклада серебряных монет XVII в.

Этот клад найден в 1969 г. при земляных работах в Самарканде, в 150 м к востоку от медресе Шир-Дор. Почти все монеты клада были собраны археологом Ю. Ф. Буряковым и переданы в Музей истории Самарканда. В отличие от опубликован-

¹ Е. А. Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов), Душанбе, 1964, стр. 82—134.

ного Самаркандского клада джанидских монет, найденных на Гур-Эмире, рассматриваемый клад мы будем именовать Регистанским. Он содержит 937 монет, из которых удалось определить 899. Из них 889 — джанидские теньги. Они распределяются по правителям следующим образом: чекан Вали-Мухаммад-хана (1014/1605—1020/1611) — 1, Имамкули-хана (1020/1611—1051/1642) — 140, Недир-Мухаммад-хана (1051/1642—1055/1645) — 175, Абдулазиз-хана (1055/1645—1091/1680) — 573. Клад весьма интересен и по размерам, и по составу монет и, безусловно, заслуживает полной публикации. Здесь мы отметим, что в кладах в общей сложности представлено 121 тип джанидских монет, причем 66 типов — ранее не опубликованных².

Самая ранняя монета клада бита при Вали-Мухаммад-хане (без даты), самая поздняя — при Абдулазиз-хане, в 1090/1679—1680 (?) или 1073/1662—1663 г. Так или иначе Регистанский клад хронологически охватывает 55—70 лет.

Монеты клада отнюдь не исчерпывают все разнообразие типов серебряных монет, обращавшихся на рынках Средней Азии к концу правления Абдулазиз-хана. Помимо имеющихся в кладах, уже сейчас известно 69 типов монет Вали-Мухаммада, Имамкули, НаDIR-Мухаммада и Абдулазиза. Все эти типы или большинство их продолжали обращаться на рынке ко времени сложения клада. Но далеко не все типы тенеж перечисленных государей выявлены к настоящему времени, и если даже один Регистанский клад дал 66 новых типов, следует еще ожидать открытия множества неизвестных типов джанидских серебряных монет.

Теньги эти были разнопробными. Химический анализ монет Регистанского клада пока не произведен, однако в нем есть монеты тех типов, данные анализа которых опубликовала Е. А. Давидович³. Судя по этим данным, в Регистанском клада имеются монеты со следующим содержанием серебра (округляя до 5%): 1) не менее 80% (Вали-Мухаммад); 2) около 75% (Имамкули, тип 50); 3) около 60% (Имамкули, типы 1, 3, 5, 13, 23, 28; НаDIR-Мухаммад, типы 1—7; Абдулазиз, тип 2); 4) около 55% (Имамкули, тип 2; Абдулазиз, типы 3, 5—7, 9—12, 14, 15, 17); 5) около 50% (НаDIR-Мухаммад, тип 8). Сразу же отметим, что высокопробных монет (75 и 80% серебра) всего две. Поскольку интервал между двумя ближайшими пробами в Средней Азии был 5% (или даже 2,5%)⁴, ко времени сложения Регистанского клада на рынках обращались теньги нескольких проб, а по Е. А. Давидович, — и разных курсов. Пять различных курсов (или проб) зафиксировано для 2 и 3-й четвертей XVII в. и в юридических документах⁵.

По мнению Е. А. Давидович, единственным критерием для определения курса серебряной монеты был ее тип, внешнее оформление, т. е. форма картушей лицевой и оборотной стороны. Если предположить, что при денежной сделке продавцу вручались теньги многих разных курсов, то не только определение курса каждой монеты по типу (коих было великое множество), но и приведение всех курсов к общему знаменателю для подсчета всей суммы было задачей очень трудной, а для многих совершенно непосильной. Невероятная сложность таких операций заставляет отвергнуть данное предположение.

Остается допустить, что при одновременном акте купли-продажи использовались теньги только одного курса либо вообще каждое лицо предпочитало иметь дело с монетами определенного курса. На такую мысль невольно наталкивает, с одной стороны, замечание Е. А. Давидович, чтоклады джанидских монет подбирались по пробам⁶ (хотя Регистанский клад этого не подтверждает), а с другой, — тот факт, что во всех юридических документах в каждом случае называется лишь один вид «старых» монет. Кроме того, анализ русских источников XVII в. и сопоставление их с данными среднеазиатских актов того времени привели Е. А. Давидович к заключению, что каждому русскому послу на содержание выдавались теньги только одного определенного курса⁷. Отсюда следует, что при наличии в обращении, а следовательно и в казне разнокурсных «старых» тенеж выдачи из казны жалования, подарков и пр. осуществлялись одним лицом в виде «семи-десятих» монет, другим — «шести-десятих» и т. д.

Складывается весьма сложная и довольно странная картина обращения серебра, которая вообще представляется маловероятной по следующим причинам.

Прежде всего, вопреки мнению Е. А. Давидович, тип монеты не мог быть надежным критерием для определения ее пробы и курса. Количества типов столь вели-

² Здесь учтены монеты, изданные не только в упомянутой монографии Е. А. Давидович, но и в ее недавно вышедшей статье «Заметки по нумизматике Средней Азии», ч. I (Караханиды, Джагатаиды, Джаниды), Материальная культура Таджикистана, вып. 2, Душанбе, 1971, стр. 183—187.

³ Е. А. Давидович, Указ. соч., стр. 105—116.

⁴ Там же, стр. 96.

⁵ Там же, стр. 91.

⁶ Там же, стр. 116.

⁷ Там же, стр. 96—98.

ко, а формы картушей так похожи, что многие типы очень легко спутать. Само качество чекана джанидского серебра оставляет желать многого, так что определение типа делого ряда монет даже для специалиста-нумизмата возможно лишь после тщательного и кропотливого сопоставления с монетами лучшей сохранности. Таким образом, определение типа многих тенег для покупателя или продавца XVII в. было настолько сложным, что должно было открывать простор для всякого рода махинаций (если принять гипотезу Е. А. Давидович об обращении «старых» монет).

Мало того. Даже самый изощренный знаток всех ходячих денег не мог бы определить тип (а по Е. А. Давидович, — и курс) стертых монет, известное количество которых имеется в каждом кладе джанидских монет. В этом отношении наиболее яркий пример — Бухарский клад, большинство монет которого совершенно стертых⁸.

Из всего сказанного вытекает, что тип монеты не мог определять ее пробу и курс. Определяющим критерием не мог служить и внешний вид металла, ибо добавка меди в пределах не более 40—50% вообще не меняет цвета серебра⁹. Следовательно, в XVII в. «старые» теньги хотя и были разнопробными, но одновременно не могли иметь различные курсы. Иначе говоря, вся масса ходивших на том или ином отрезке времени «старых» разнопробных монет, очевидно, обращалась по одному курсу.

Насколько новая гипотеза согласуется с имеющимися данными?

Юридические документы, проанализированные Е. А. Давидович, ей не противоречат. Встречающиеся в них определения «старых» тенег через десятичную дробь, на наш взгляд, свидетельствуют лишь о том, что в период, когда был составлен документ, все «старые» монеты, независимо от пробы, ходили по одному курсу. Например, если в документе 1067 г. х. «старые» монеты названы «шести-десятыми»¹⁰, это значит, что в момент написания документа стоимость любой «старой» теньги составляла 0,6 стоимости «новой», «тридцатидшаровой». При таком логичном определении «старых» монет через десятичную дробь вполне удовлетворительное объяснение получает и выражение «уменьшенные на 10 нахудов», которое в том же документе 1067 г. х. прилагается к «шести-десятым» теньгам. Его, видимо, следует понимать в том смысле, что стоимость любой «старой» монеты в сравнении с первоначальной ее стоимостью (т. е. когда она была «новой») уменьшена на 10 нахудов серебра, или примерно на 40%.

Не противоречит нашей гипотезе и упоминание в одном и том же году (1032 г. х.) «шести-с-половинной-десятых» и «восьми-десятых» тенег¹¹. Оно лишь намекает на то, сколь частыми могли быть изменения курса «старых» тенег. В этой связи нельзя не вспомнить приведенное Е. А. Давидович свидетельство побывавшего в Средней Азии в XVI в. англичанина А. Дженкинсона: «Цену же серебра король поднимает и снижает для своей прибыли каждый месяц, а иногда даже два раза в месяц»¹². Бесма частью были в XVII в. и изменения курса «новых» монет, которые с выпуском тенег нового типа вливались в массу «старых». Уже сейчас, с учетом монет Регистанского клада, известно 84 типа тенег Имамкули-хана, правившего 31 год, и 13 типов тенег Надир-Мухаммада, правившего 4 года. Поскольку до сих пор выявлена едва ли половина всех типов монет каждого из этих государей, вполне логично предположить, что смена типов, а значит и превращение «новых» тенег в «старые» происходили каждые 2—3 месяца, если не чаще. Вероятно, не менее часто мог меняться и курс «старых» тенег.

Не исключено даже, что изменение курса «старых» и «новых» монет происходило одновременно. Ведь с переходом последнего выпуска монет в разряд «старых» вся совокупность разнопробных «старых» тенег пополнялась еще одной группой монет, хотя бы минимально сдвигавшей некую теоретическую среднюю пробу «старых» тенег, что могло служить если не основанием, то во всяком случае поводом для изменения курса «старых» монет. Конечно, государство отнюдь не стремилось точно страгивать в курсе «старых» тенег эту среднюю пробу. Устанавливая их курс, а также постоянно повышая и понижая его, оно прежде всего исходило из интересов казны, а не населения.

О том, насколько изменялся курс «старых» монет при каждой перегруппировке, отчасти позволяют судить данные юридических документов XVII в. Например, в одном; и том же 1032 г. х. упомянуты теньги «восьми-десятые» и «шести-с-половинной-десятые». Если даже допустить, что в 1032 г. х. курс «старых» монет менялся постепенно и в промежутке между этими двумя курсами были еще курсы «семи-с-половинной-десятый» и «семи-десятый», все равно получается, что скачки курсов «старых» тенег были значительными. Еще более резкое изменение курса демонстрируют как будто три

⁸ Е. А. Давидович. Указ. статья, стр. 181.

⁹ Н. Н. Любавин. Техническая химия, т. IV, М., 1906, стр. 842. (Цит. по: Е. А. Давидович. Указ. соч., стр. 120, прим. 106).

¹⁰ Е. А. Давидович. Указ. соч., стр. 88.

¹¹ Там же, стр. 87.

¹² Там же, стр. 126.

более поздних документа: в 1052 г. х. упомянуты «шести-десятые» тенги, в 1066 г. х. — «трех-с-половиной-десятые», в 1067 г. х. — опять «шести-десятые». Если в документе 1066 г. х. нет ошибки писца, то здесь мы сталкиваемся со слишком резким и рискованным понижением курса, которое могло привести к выпадению из обращения большого количества серебряной монеты, поскольку содержание серебра во всех подвергнутых химическому анализу джанидских тенгах, выпущенных к тому времени, намного больше 35%.

В конце XVII в. в документах упоминаются только тенги «двух-с-половиной-десятые», «двух-с-четвертью-десятые» и «трех-десятые». Столь резкое снижение курса «старых» монет при Субханкули-хане, выпускавшем низкопробную тенгу, не могло не привести к выпадению из обращения ходившей до этого довольно высокопробной серебряной монеты, что и случилось на самом деле. Действительно, известно большое число кладов, содержащих монеты Имамкули, НаDIR-Мухаммада и Абдулазиза или первых двух государей, но нет ни одного, где наряду с монетами этих правителей имелась бы примесь тенег Субханкули-хана.

Кстати, этот факт, как нам кажется, свидетельствует в пользу нашей гипотезы об особенностях обращения джанидского серебра. Если бы разнообразные монеты ходили по разным курсам, связанным с пробой, то и при Субханкули-хане высокопробные тенги должны были иметь высокий курс, низкопробные — низкий, и в обращении разные группы монет не могли мешать друг другу.

Не менее характерен следующий момент: в кладах с монетами НаDIR-Мухаммада и Абдулазиза тенги Имамкули-хана попадают, монет же предшествующих государей нет, а единственная монета Вали-Мухаммада в Регистанском кладе — исключение, лишь подтверждающее правило. Тенги предшественников Имамкули-хана, судя по данным химического анализа и пробирования, содержали 85—95% серебра, курс же «старых» монет понизился к 1032 г. х. (время правления Имамкули) до «шести-с-половиной-десятого», а затем и еще больше. При такой разнице между курсом и пробой высокопробные раннеджанидские тенги неизбежно должны были выпадать из обращения.

Таковы вкратце те особенности обращения джанидской серебряной монеты XVII в., которые удается выявить благодаря анализу имеющихся на сегодняшний день данных. Эти особенности касаются прежде всего категории «старых» тенег, которые в XVII в. составляли большинство ходившей на рынке серебряной монеты, и выявление их существенно дополняет наши представления о среднеазиатской экономике поры позднего феодализма.

Б. Д. Кочнев

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В XVI—XIX ВЕКАХ

Экономические и политические связи Средней Азии с Россией уходят своими корнями в глубокую древность. Особенно расширяются они с середины XVI в., когда Русское государство, покорив Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, стало непосредственным соседом Средней Азии и Казахстана. Социально-экономическое и политическое положение обеих стран в указанный период требовало более тесного сближения их путем установления и развития экономических и дипломатических отношений, что привело к положительным последствиям как для Средней Азии, так и для России. Глубокое и всестороннее изучение истории русско-среднеазиатских отношений, исторических корней экономического, политического и культурного содружества наших народов имеет важное научно-познавательное и политическое значение.

В этом отношении представляют Большой интерес работы Х. З. Зияева¹, который свыше 20 лет занимается изучением истории экономических, дипломатических отношений между Россией и Средней Азией, в частности положения выходцев из Средней Азии, образовавших особые поселения на территории России.

Прежде всего следует отметить, что книги Х. Зияева отличаются обширной источниковедческой базой, причем немало документов впервые введено им в научный обиход. В основу этих работ легли архивные материалы, хранящиеся в Москве, Ленинграде, Оренбурге, Уфе, Тюмени, Тобольске, Томске, Ирбите, Астрахани, Перми, Горьком, Алма-Ате, Ташкенте и др. Автором привлечены и ценные материалы, хранящиеся в краеведческих и исторических музеях указанных городов, а также использованы данные из опубликованной литературы.

В первой монографии — «Средняя Азия и Сибирь в XVI—XIX вв.» — автор обстоятельно освещает историографию вопроса и архивные источники. Книга начинается с характеристики посольских связей между Россией и Средней Азией через Сибирь, превратившуюся в один из важнейших пунктов экономических, политических и культурных связей между двумя странами. Всесторонне исследованы цели и задачи, а также деятельность каждой дипломатической миссии, которые, как видно из рецензируемой книги, преследовали главным образом установление и развитие добрососедских торговых отношений и сыграли значительную роль в налаживании взаимосвязей между обеими странами.

Много внимания уделено такому узловому вопросу, как установление и развитие торговых связей между Средней Азией и Сибирью в XVI—XIX вв. с определением предметов и объема привоза и вывоза. Эти данные ярко свидетельствуют о том, что на протяжении многих столетий среднеазиатское ремесленное производство обеспечивало население Сибири тканями, одеждой и др. Сибирь представляла для Средней Азии рынок сбыта готовых изделий, что привело к оживлению там городской жизни и сельского хозяйства. В свою очередь, Средняя Азия испытывала большую потребность в таких русских товарах, как меха и сукно, металлические изделия и др.

В работе хорошо показана деятельность всемирно известной Ирбитской ярмарки, где шел широкий торг европейскими и азиатскими товарами. Автор приводит интересные данные о караванных путях между Средней Азией и Сибирью.

С большим интересом читаются разделы, посвященные социально-экономическому и политическому положению бухарцев и ташкентцев — выходцев из Средней Азии, образовавших особые селения и волости на территории Западной Сибири. Многие страницы книги посвящены истории культуры и духовной жизни сибирских бухарцев и ташкентцев. Здесь рассматриваются их ремесленная, торговая и земледельческая

¹ Х. Зияев. Средняя Азия и Сибирь, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1962; Средняя Азия и Поволжье в XVI—XIX вв., Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1965; Средняя Азия и Приуралье, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973 (на узб. яз.).

деятельность, образование, быт и нравы, одежда и пища. Весьма интересны иллюстративные материалы, относящиеся к сионским бухарцам и ташкентцам. Хорошо показаны роль и место сибирских бухарцев и ташкентцев в развитии экономических и политических связей России не только со Средней Азией и Казахстаном, но и с другими восточными странами.

В работе нашли отражение и мероприятия Русского государства по привлечению среднеазиатских выходцев на постоянное жительство в Сибирь, развитию дипломатических и торговых связей со Средней Азией.

Еще в глубокой древности установились экономические, политические и культурные связи народов Средней Азии с народами Поволжья, которые играли большую роль во взаимосвязях между Европой и Востоком. Этим вопросам посвящена другая монография Х. Зияева — «Средняя Азия и Поволжье», также насыщенная богатыми данными из архивов Астрахани, Горького, Москвы, Ленинграда и др.

Русское государство и узбекские ханства обменивались послами и через Поволжье. При этом путь их лежал через Астрахань, выступавшую крупным центром в сношениях России со Средней Азией, Кавказом, Ираном, Индией и другими странами Востока. В Астрахани можно было встретить многочисленных купцов с различными товарами из разных стран. Связь с Поволжьем была жизненно необходима для народов Средней Азии и России. Развитие торговых связей было одной из важнейших задач дипломатических миссий, которыми обменивались через Астрахань Русское государство и среднеазиатские ханства. Поездки и деятельность этих послов обстоятельно рассматриваются автором на основе детального изучения источников.

В работе уделяется большое внимание развитию русско-среднеазиатских торговых отношений через Поволжье. Здесь показаны характер и объем торговли, предметы ввоза и вывоза. Как видно из приведенных данных, из Средней Азии в Поволжье с древнейших времен вывозилась продукция ремесленного производства, прежде всего ткани.

Развитие дипломатических и торговых связей привело к образованию в Астрахани поселений выходцев из Средней Азии. Это были прежде всего представители торгово-ремесленных кругов. Специальная глава книги в историко-этнографическом плане освещает экономическую и культурную жизнь среднеазиатских выходцев в Астрахани. Здесь, как и в Сибири, они принимали активное участие в хозяйственном освоении края. Так, в Западной Сибири бухарцы и ташкентцы успешно выращивали новые сорта пшеницы, а в Астрахани они начали культивировать бабчевые (дыни, арбузы, тыквы) и новые для этого края овощи (огурцы и др.).

Автор справедливо подчеркивает, что хотя среднеазиатские выходцы в основном сохраняли свои обычаи и традиции, они в большой степени испытывали влияние передовой русской культуры и науки.

Если в XVI — первой половине XVIII в. русско-среднеазиатские отношения осуществлялись главным образом через Сибирь и Поволжье, то с середины XVIII в., в связи с возникновением Оренбурга, формируется третья связующая линия — Приуралье. Торговые и дипломатические сношения России и Средней Азии все чаще совершаются через Оренбург, который постепенно становится одним из крупнейших центров взаимосвязей России с Востоком, в первую очередь с Казахстаном и Средней Азией. Эти связи становятся настолько оживленными, что постепенно теряют свое значение поволжский путь. Бухарские, хивинские, кокандские купцы и послы все чаще прибывают в Оренбург, где русским правительством был принят ряд поощрительных мер, сыгравших большую роль в дальнейшем развитии экономических и политических взаимоотношений России с узбекскими ханствами. Эти вопросы обстоятельно рассмотрены в третьей книге Х. З. Зияева — «Средняя Азия и Приуралье в XVIII в.».

В работе прослеживается возникновение и развитие Оренбурга и подчеркивается его значение в русско-среднеазиатских связях. Показаны зарождение и дальнейшее развитие торговых отношений, обмен послами, объем и предметы торговли. С большим интересом читаются страницы, посвященные деятельности известной Нижегородской ярмарки, ее роли в торговле между обеими странами.

В своих работах автор собрал огромный и разнообразный материал и, умело обобщив его, пришел к выводу, что вопреки утверждениям отдельных историков, как Средняя Азия, так и Россия были взаимно заинтересованы в развитии торговых и дипломатических связей. Это было продиктовано социально-экономическими и политическими условиями обеих стран и оказалось плодотворное влияние на развитие их экономик.

Х. З. Зияев убедительно показывает, что с 30—40-х годов XIX в. в связи с дальнейшим развитием капиталистических отношений и промышленности в России среднеазиатское ремесленное производство, не выдержав конкуренции с промышленными товарами России, играет все меньшую роль в среднеазиатском экспорте. Основным предметом вывоза Средней Азии становятся хлопок и другое сырье. Россия стала рассматривать Среднюю Азию как сырьевую базу и рынок сбыта для своих товаров.

Автор правильно подчеркивает, что развитие торговых связей сближало народы

обеих стран и создавало благоприятные условия для обмена их производственными и культурными навыками.

Вместе с тем в рецензируемых работах имеются и отдельные недостатки. На наш взгляд, весьма отрывочно показаны русско-среднеазиатские связи в предшествующий период. Правда, автор дает исторический экскурс по данному вопросу, но он неполон. Слабо изучен процесс ассимиляции сибирских бухарцев и ташкентцев с татарами. Недостаточно освещена сельскохозяйственная деятельность среднеазиатских выходцев в Астрахани. Хотя материалы по указанным вопросам весьма скудны, автору следовало уделить им больше внимания.

В целом же монографии Х. З. Зияева отличаются оригинальностью и новизной материала и являют собой существенный вклад в изучение истории русско-среднеазиатских связей в XVI—XIX вв.

Х. Т. Турсун, З. Р. Нуридинов

ПЕРЕВОДЧИК В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Под таким названием Издательство «Фан» УзССР выпустило в свет работу доктора юр. наук, проф. Г. П. Саркисянца¹, посвященную реализации в советском уголовном процессе принципа национального языка судопроизводства и роли переводчика в осуществлении этого конституционного принципа, вытекающего из мудрой ленинской национальной политики КПСС и Советского государства.

Анализируя сущность и значение принципа национального языка судопроизводства, автор убедительно показывает, что он неразрывно связан с другими принципами (началами), составляющими демократические основы советского социалистического судопроизводства, создавая вместе с ними прочную систему юридических гарантий соблюдения прав и законных интересов всех граждан, участвующих в уголовном процессе, без различия их национальности, социального положения и др.

В работе подчеркивается, что законодатель последовательно обеспечивает реализацию принципа национального языка на всем протяжении как уголовного, так и гражданского процесса, а вышестоящие судебные органы требуют строжайшего соблюдения соответствующих норм закона как при предварительном расследовании дел, так и в судах всех инстанций.

Автор детально анализирует содержание ст. 11 действующих Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 11 УПК УзССР (ст. 17 УПК РСФСР и аналогичные статьи УПК других союзных республик), которые являются исходной базой для последующих положений УПК, прямо или косвенно связанных с реализацией принципа национального языка на всех стадиях уголовного процесса.

Предметом тщательного разбора служат и другие нормы, регулирующие практическое осуществление принципа национального языка судопроизводства, — составление и перевод предусмотренных законом следственно-судебных документов; перевод приговора, вслед за провозглашением его, на родной язык подсудимого или другой язык, которым он владеет, и т. д.

На конкретных материалах из следственно-судебной практики наглядно показано, что игнорирование принципа национального языка, несоблюдение правовых норм, регулирующих его реализацию, служат безусловным основанием для возвращения дела судом на новое расследование (если нарушение это допущено при предварительном расследовании) или отмены приговора (в случае нарушения соответствующих норм судом).

Специальный раздел посвящен вопросам приглашения, замены, отвода и самовода переводчика. Здесь особенно широко рассмотрены различные аспекты приглашения переводчика лицом, производящим дознание, предварительное следствие, прокурором и судом, включая выяснение необходимости участия переводчика в данном деле, оформление приглашения его в следственно-судебных документах, обеспечение явки переводчика, ее проверку и документальную фиксацию.

Столь же основательно анализируются процессуальное положение переводчика, его права и обязанности. Мы полностью согласны с точкой зрения Г. П. Саркисянца, рассматривающего переводчика как одного из участников советского уголовного процесса с весьма ответственными функциями, вытекающими из принципа национального языка и других демократических основ советского судопроизводства, что убедительно подтверждается соответствующими нормами закона и теоретическими экскурсами автора. Здесь же характеризуются и взаимоотношения переводчика с другими участниками процесса.

¹ Г. П. Саркисянец. Переводчик в советском уголовном процессе. Отв. ред. член-корр. АН УзССР А. А. Агзамходжаев, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1974, 90 стр.

Спецификой процессуального положения переводчика определяется круг его прав и обязанностей, регламентируемых законом. Автор подробно анализирует и представляет в сводном виде предусмотренные УПК права и обязанности переводчика, демонстрируя при этом глубокое знание действующего законодательства всех союзных республик и следственно-судебной практики.

Здесь, как и по всей работе, дается много ценных практических советов переводчикам, работникам органов дознания, предварительного следствия, суда и прокуратуры, направленных на дальнейшее совершенствование практики участия переводчика и осуществления перевода в уголовном процессе.

Следует поддержать аргументированные предложения автора, касающиеся улучшения подготовки кадров переводчиков, самой организации переводческого дела на основе создания бюро переводчиков при Министерствах юстиции СССР, союзных и автономных республик, отделах юстиции областных Советов депутатов трудящихся и при Советах депутатов трудящихся наиболее крупных городов (как, например, Ташкент), имеющих наряду с районными, и городские суды.

Заслуживают серьезного внимания и многочисленные предложения автора по совершенствованию норм действующего законодательства, регулирующих осуществление принципа национального языка и участие переводчика в уголовном процессе. Автор правильно отмечает наличие в ряде норм УПК союзных республик неоправданных случаев разнобоя и пробелов, порой касающихся существенных аспектов принципа национального языка, процессуального положения, прав и обязанностей переводчика, его участия на различных стадиях процесса и фиксации этих моментов в следственно-судебной документации.

Выявить эти недостатки автору во многом помог метод сравнительно-правового исследования соответствующих статей УПК всех союзных республик, впервые столь полно и последовательно осуществленный в нашей уголовно-процессуальной литературе применительно к рассматриваемой проблеме.

Касаясь отдельных рекомендаций автора, надо сказать, что очевидна, например, полезность предложения Г. П. Саркисянца о необходимости ведения протокола в кассационном и надзорном производстве с фиксацией в нем и участия переводчика, если его услугами пользовались участники этих стадий процесса. Целесообразно было бы включение в УПК УзССР и других республик специальной статьи «Переводчик», четко определяющей его процессуальное положение, права и обязанности. Научную и практическую значимость представляют и многие другие обоснованные предложения автора.

Работа Г. П. Саркисянца, написанная на должном научно-теоретическом уровне, с учетом достижений юридической науки и практики, на основе анализа и обобщения действующего законодательства, являет собой, таким образом, ценное монографическое исследование одной из важных проблем уголовно-процессуального права. Такая попытка цельного, многопланового и подробного освещения данной проблемы предпринимается у нас впервые. Она позволяет стереть еще несколько «белых пятен» в нашей процессуальной литературе и несомненно получит положительную оценку юридической общественности.

Ш. Уразаев, Г. Абдумаджидов

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

XV ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ФИЛОСОФОВ

Мы живем в эпоху глубочайших социальных преобразований, величайших достижений научно-технического прогресса, крутой ломки многих прежних представлений и взглядов на мир, на пути и средства практического использования достижений человеческого разума. Возникающие в связи с этим проблемы волнуют умы людей и требуют правильного, подлинно научного ответа на основе глубокого философско-социологического осмысления происходящих процессов.

Вот почему основной темой состоявшегося в конце 1973 г. в Варне (Болгария) XV Всемирного конгресса по философии стали «Наука, техника, человек», т. е. проблемы настоящего и будущего человека и человечества в условиях научно-технической революции и ее последствий. И не случайно этот конгресс был самым представительным по своему составу — в его заседаниях приняло участие около 3 тыс. делегатов и гостей из 61 страны мира.

Следует подчеркнуть, что это был первый Всемирный конгресс философов, проведенный в социалистической стране, и в нем приняли участие весьма представительные делегации философов из стран социализма. Так, в состав советской делегации, возглавляемой акад. П. Н. Федосеевым, входило около 300 человек, в том числе такие видные ученые, как академики П. К. Анохин, Ф. В. Константинов, В. А. Фок и др. Среди них были и представители Узбекистана — вице-президент АН УзССР И. М. Муминов, директор Института философии и права, доктор филос. наук М. Б. Баратов, доктора филос. наук Т. Р. Абдушукуров и Б. И. Исмаилов, доктор юр. наук М. Х. Хакимов.

Тесная связь всей работы конгресса с актуальными проблемами современности была обусловлена в первую очередь той новой международной обстановкой, которая складывается в результате последовательного осуществления нашей партией и правительством принятой XXIV съездом КПСС Программы мира.

Этот важный момент особо подчеркнул в своем приветствии при открытии конгресса Председатель Государственного Совета Народной Республики Болгарии Тодор Живков, под патронажем которого проходил данный форум. Об этом говорилось и в выступлении Председателя Международной федерации философских обществ Л. Габриеля (Австрия), приветствии ЮНЕСКО и ее Генерального директора Рене Мерсье.

Обсуждавшиеся на конгрессе проблемы рассматривались прежде всего на пленарных заседаниях по трем темам: «Философия и наука», «Мораль и культура», «Техника и человек»; в шести коллоквиумах: «Разум и действие в преобразовании мира», «Философия в процессе научно-технической революции», «Познание и ценности в научно-техническую эру», «Структура и методы современного научного познания», «Человек — наука — техника (опыт марксистского анализа научно-технической революции)», «Техника, мир и современный марксизм», а также на секционных заседаниях.

Содержание и характер дискуссий отражали состояние идеологической борьбы в современных условиях, неуклонно крепнущие позиции марксизма-ленинизма, неоспоримые преимущества социализма. Характерно, что в докладах и выступлениях буржуазных философов почти не было грубых, прямых выпадов против марксизма и социализма. Такие выпады делались в завуалированном виде, в форме «объективной критики» и капитализма, и социализма.

На первом пленарном заседании по теме «Философия и наука» были заслушаны доклады акад. Б. М. Кедрова «Относительно синтеза наук» (в связи с болезнью автора он был зачитан редактором журнала «Вопросы философии» И. Т. Фроловым), А. Мерсье (Швейцария) — «Философия и наука» и Т. А. Имамичи (Япония) — «Основы и происхождение. Относительно различий в сущностной структуре науки и философии».

В докладе акад. Б. М. Кедрова и И. Т. Фролова был раскрыт процесс интеграции, синтеза современного научного знания, дана их общая типология, показана роль диалектики в развитии современного научного познания, тесная взаимосвязь философии и других наук.

С противоположных позиций выступил А. Мерсье (Швейцария). Главный тезис его состоял в том, что «философия — не наука», а спекулятивная дисциплина в отличие от техники и морали, являющихся сферами практических знаний. По А. Мерсье, философия есть «интегральная встреча четырех кардинальных направлений — науки, искусства, морали и созерцания; ни одному из этих видов философия не должна отдавать предпочтение».

Близкую к этим положениям позицию занял японский философ Имамия, с точки зрения которого, философы должны погружаться в глубь вещей и заниматься не их основами (как естественные науки), а истоками основ.

В дискуссии по этим докладам проф. Г. А. Курсанов, В. Герц, Р. Шотлендер и другие выступавшие подчеркнули, что специальные науки и философия находятся в тесных взаимоотношениях, они не безразличны и не противопоставят друг другу, а должны сотрудничать между собой.

На втором пленарном заседании, проходившем под председательством акад. П. Н. Федосеева, обсуждалась тема «Мораль и культура», по которой он выступил с основным докладом. П. Н. Федосеев подчеркнул, что вопрос о взаимоотношении культуры и нравственности — один из актуальных вопросов современной общественной жизни. Для современной буржуазной философии характерно противопоставление культуры и нравственности, отражающее в рамках буржуазного сознания реальную ситуацию современного капиталистического общества. Марксистская концепция взаимоотношения культуры и нравственности базируется на диалектико-материалистическом подходе к пониманию связи прогресса в области морали и культуры с социальным переустройством общества и уничтожением всех форм эксплуатации как непрременной предпосылки утверждения органического единства нравственности и культуры при коммунизме. Определяющее значение имеет проблема соотношения классового и общечеловеческого в морали и в связи с этим вопрос о критериях нравственности и культурного прогресса человечества.

Акад. П. Н. Федосеев подчеркнул несостоятельность попыток противопоставить культуру морали, абсолютизировать роль научного познания и отрывать его от конкретных общественных условий различных и противоположных социальных систем.

Подобные попытки были предприняты рядом докладчиков из капиталистических стран, либо выступавших как сторонники абстрактно понимаемой «глобальной морали», либо трактовавших проблемы морали в иррациональном и религиозном духе (Д. Бурке, Р. Чейзхолм, А. Баам из США, П. Рикер из Франции и др.). Докладчики из капиталистических стран, проявляя склонность к различным идеалистическим концепциям морали, в частности, провозглашали принцип безусловной терпимости в морали (становясь, таким образом, на позиции неопозитивистского эмотивизма в этике).

На третьем пленарном заседании по проблеме «Человек и техника» были заслушаны основные доклады Р. Де Джорджа (США) — «Техника и разум», Р. Рихты (Чехословакия) — «Человек и техника», Д. А. Пасмора (Австралия) — «Человек и техника» и доклад акад. М. Б. Митина — «Проблема «гуманизации» техники и социальный прогресс».

Американский философ Р. Де Джордж, возглавляющий кафедру философии университета в Кайзае, завуалировав свой профессиональный антимарксизм, представил доклад во внешне сдержанных тонах и даже заигрывал с диалектикой. Главный тезис его, как и многих других философов Запада, состоял в утверждении, что техника подчиняет человека и отчуждает его, отсюда широкое распространение на Западе технологического пессимизма и иррационализма. Вместе с тем они пытались доказать тождественность последствий прогресса техники при капитализме и социализме. С этих же позиций выступил, в частности, и австралийский философ Д. А. Пасмор, отрицавший социальную обусловленность взаимоотношений человека и техники.

Известный чехословацкий философ Р. Рихта в своем докладе отстаивал марксистское положение о том, что техника только в условиях буржуазного общества направлена против человека и ведет к дегуманизации общества, и чтобы преодолеть это противоречие, необходимы коренные социальные преобразования, переустройство общества на социалистических началах.

Акад. М. Б. Митин с марксистских позиций раскрыл проблему гуманизации техники и социального прогресса. В его докладе было выделено три основных, достаточно определившихся к настоящему времени направления в западной философии, каждое из которых пытается по-своему ответить на проблему «гуманизации» техники: экзистенциалистское, антропологическое и неотехнократическое, — и дан подробный анализ их принципиальной несостоятельности. Значительное место в докладе было уделено изложению марксистского взгляда на гуманизацию техники и убедительно

показано, что противоречие между техникой и человеком имеет своей основой буржуазные отношения, и его можно преодолеть только путем социалистического преобразования общества.

Президент Всемирной федерации философских обществ Л. Габриель поддержал положение М. Б. Митина о том, что основной недостаток западной философии — включение человека в технику. По его мнению, человек в экзистенциалистском смысле представляет высшую ценность. Вместе с тем он поддержал мысль докладчиков о необходимости контролировать развитие техники.

Член-корр. АН СССР М. Н. Руткевич в форме вопроса выразил несогласие с утверждением Р. Де Джорджа, якобы техника есть результат лишь аналитического разума, ибо сущность человека нельзя рассматривать вне общественных отношений. В поддержку марксистского тезиса высказались советские философы И. Филлипс, Г. Мартынюк.

Работа четвертого пленарного заседания проходила в рамках всех трех проблемных групп: «Философия и наука», «Мораль и культура» и «Техника и человек». Здесь с докладами выступили Ж. В. Рьет (Бельгия) — «Наука — философия — техника — мораль», Г. Гец (ГДР) — «Значение естественных наук для развития марксистско-ленинской философии», Н. Ирибджаков (Болгария) — «Философия и наука», В. А. Лекторский (СССР) — «Взаимоотношение между философией и наукой в свете научно-технической революции».

В докладе В. А. Лекторского было показано, что научно-техническая революция остро ставит вопрос о научном характере философского знания. Философия, обладающая статусом научности (такой философией является марксизм), не превращается тем самым в специальную науку, отличаясь от последней и по характеру проблематики, и по методам построения и проверки теоретических утверждений. Научная философия и специальные науки — составные части единого теоретического знания.

Заседание по теме «Мораль и культура» проходило под председательством Ф. Б. Константинова (СССР). В своем докладе «Научно-техническая революция и проблемы нравственного прогресса» он подробно остановился на фактах, свидетельствующих о разрушении нравственных устоев, моральном кризисе буржуазной цивилизации Запада. Не только западные философы и социологи, но естествоиспытатели и историки (например, А. Тойнби) с озабоченностью говорят о судьбе народов в связи с проявлениями противоречий между ростом материальной мощи и девальвацией моральных ценностей. Только социальная революция способна разрешить коренные противоречия между научно-технической революцией и общественным нравственным развитием.

В своем докладе «Место и роль морали в системе духовных ценностей» Л. Джрамалиев (Болгария) остановился на внутренних, организационных, идеологических и структурных аспектах духовной жизни общества. Он исходил при этом из марксистского понимания социального характера ценностей, в том числе духовных.

Интересно прошло заседание по теме «Техника и человек» под председательством Д. Ниделковича (Югославия). Выступивший там австрийский философ Г. Бек говорил о проблемах настоящего и будущего, рассматривая их как технический прогресс, в котором бытие лишено специфических форм, придаваемых ему человеком, преследующим свои цели.

Доклад на тему «Техника в обществе» сделал В. Добряннов (Болгария). Он остановился на возрастающем влиянии современной научно-технической революции на все составные части общества и подверг критике так называемый технологический детерминизм, получивший распространение среди современных западных философов.

В докладе С. Гановского (Болгария) «Техника и человек» было отмечено, что в противовес одностороннему пониманию техники и абсолютизации ее роли либо выдвиганию на передний план абстрактного человека, оказавшегося в плену науки и техники, марксистско-ленинская теория дает научное объяснение проблемы «техника — человек».

Связь между современной наукой и гуманизмом была рассмотрена И. Т. Фроловым (СССР). Он подчеркнул, что марксистско-ленинская философия ставит и решает проблему человека как на практическом, так и на теоретическом уровне, в качестве необходимого условия общественного развития и в качестве его самоцели, которая должна быть реализована в коммунистической перспективе. Она утверждает в качестве принципа такое понимание связи между современной наукой и гуманизмом, которое противостоит технократическим и антигуманистическим, романтически-утопическим концепциям и мифам о «демоне-технике», ее «принципиальной» враждебности человеку.

В процессе обсуждения социальных проблем научного прогресса и научно-технической революции доминировали диалектико-материалистические точки зрения. Это относилось к вопросам, обсуждавшимся на заседаниях коллэктивных по теме: «Техника, мир и современный марксизм», «Структура и методы современного научного познания» и «Сущность и существование человека».

Оживленная дискуссия развернулась по проблеме сущности и существования

человека. В докладах У. Бланшарда (Канада) «Природа человека по Марксу», Х. Штейншгера (ГДР) — «Наука и развитие личности», С. М. Имса (США) — «Отношение человека к природе согласно Марксу» и Т. И. Ойзермана (СССР) — «Сущность человека как проблема» были освещены современные философские взгляды на отношение человека к природе и проблемы, связанные с ролью науки в развитии человеческой личности.

Согласно марксистской точке зрения, человека прежде всего надо рассматривать как общественное явление. Такое понимание нашло широкую поддержку участников дискуссии. Философы-марксисты убедительно показывали невозможность развития «чистой философии», оторванной от социальных проблем. Были подвергнуты критике и идеалистические трактовки проблемы гуманизма. Западные философы (М. Р. Баррал, Р. Н. Бек из США и др.) высказывались в поддержку абстрактного «общечеловеческого гуманизма», делали попытку обосновать некий «новый», «экспериментальный» идеализм. Эти попытки были подвергнуты резкой критике.

Острую дискуссию вызвал вопрос о месте экологической проблемы в системе науки. Канадец М. Бунге, американец Г. Хемш утверждали, что существуют политические науки и философия политических наук. Экологическую проблему они отнесли к политическим наукам. По мнению же философов-марксистов, в своей сущности это философская проблема, и современность ставит перед философией как наукой задачу найти путь к ее решению.

Возражение многих участников вызвало утверждение некоторых западных философов (А. Косинга из США, Х. Гейзелера из ФРГ и др.) о том, что общественный строй не имеет отношения к решению экологических проблем.

Интересная дискуссия развернулась при обсуждении проблем коллоквиума «Структура и методы современного научного познания», наглядно выявившем полярную противоположность диалектико-материалистического и идеалистического подходов к актуальнейшим вопросам современного научного знания. Представители идеалистической философии (К. Гибсон из США, И. П. Маккил из Австралии, В. Ван Доорен из Голландии) отрицали тот факт, что в современных условиях доминирующую роль играет теоретическое познание, причем оно поднимается на качественно новый уровень. Они пытались доказать, что все еще невозможен логический подход к научному открытию.

В докладах и выступлениях советских и зарубежных философов-марксистов (Г. А. Курсанова и Д. Горского из СССР, В. Краевского из Польши, М. Вартовски из США и др.) было убедительно показано, что все идеалистические концепции знания неизбежно приходят к противоречию с объективным содержанием процесса научного познания. Особое место занимает структурализм, являющийся собой один из специальных методов, а не всеобщую методологию познания.

Дискуссия развернулась и по такой фундаментальной проблеме философии, как отношение между теорией и практикой, критерий истинности знания (коллоквиум «Язык, логика, практика»). Западные философы (Ч. Пирс и Д. Ионг из США, Х. Ран из ФРГ) давали кантианские трактовки по вопросу об интуиции как критерии истины, о реальности, истине и обоснованности как коррелятивному понятию. Эта позиция стала объектом резкой критики философов-марксистов. Характерно, что неокантианцы астрелили также оппонентов среди прагматиков и приверженцев аналитической философии.

Большой интерес вызвало обсуждение темы «Современные историко-философские исследования». Исследовательская группа по этой проблеме была одной из самых многочисленных и потому она была разделена на три подгруппы, обсуждившие некоторые методологические вопросы истории философии: связь между старой и новой философией, преемственность и относительность философской мысли, связь философии с объективными факторами и условиями. Здесь четко проявилась полярность двух основных взглядов на историю философии — марксистского и буржуазного.

Первая подгруппа («Методология») работала под председательством Н. Ирибаджаква (Болгария). Основные доклады сделали Дж. Борвиш (Австрия), Н. Меркер (Италия), Е. Лойаконо (Бельгия), В. Ван Доорен (Голландия), Дж. Леру (Канада).

Дискуссия развернулась вокруг доклада Дж. Борвиша. Его тезис о том, что не может быть мировой истории (из чего следует, что нет и истории философии, поскольку философские учения строго индивидуальны), вызвал возражения Н. Ирибаджаква и других участников. Они отметили, что при всех особенностях существует и много общего, например основная философская проблематика. Поэтому история философии не может быть просто описательной наукой. Ссылка на философию Курта Милинга неправомерна, ибо она носит мистический и даже расистский характер (с чем согласился и Дж. Борвиш).

Во второй исследовательской подгруппе рассматривались вопросы истории марксистской и русской философии, а также философии народов Восточной Европы. Председательствовал Л. Н. Суворов (СССР). С докладами выступили: Б. В. Богданов и М. Т. Иовчук (СССР) — «Концепция истории марксистской философии в современ-

ной советской литературе», А. Т. Павлов (СССР) — «К вопросу об исследованиях в области истории марксистско-ленинской диалектики в СССР», М. А. Севещи (СССР) — «Позитивизм II Интернационала и борьба с ним в истории марксизма».

Д. Спасов подверг критике взгляды Р. У. Селларса, Д. А. Пасмора и других буржуазных философов, в работах которых В. И. Ленин представлен как репрезентационалист локовского толка. Докладчик подчеркнул принципиальное различие между марксистско-ленинской гносеологией и английским субъективистским эмпиризмом.

Внимание участвующих привлек совместный доклад М. М. Хайруллаева и М. Б. Баратова «Развитие философской мысли в Узбекистане» (зачитан М. Баратовым), в котором показано, что в республике развиваются важнейшие философские направления, достигнут высокий уровень прогресса философской мысли. Аудитория обнаружила живой интерес к содержанию доклада.

Впервые в истории философских конгрессов получили специальное обсуждение и проблемы философии права. Работа группы «Философия права и философия политики» привлекла многочисленную аудиторию и вызвала острую дискуссию. Только из капиталистических стран в группу поступило 26 докладов.

Заседания группы проходили под председательством Х. Перельмана (Бельгия). С основными докладами выступили Ж. Бржич (США), А. Червера (США), Н. М. Кикенборн (Бельгия). Болгарский философ П. Попов говорил о философско-социологических основах и главных концепциях учения Роскоу Пунда о праве и нашей современности. С. Манчев (Болгария) остановился на вопросах о науке права и марксистско-ленинской методологии. Дополнительный доклад на тему «Общественный интерес» сделал У. Стейнкаус (США). А. В. Шестопап (СССР), Е. Д. Модржинская (СССР) и Ч. Кюранов (Болгария) подвергли его взгляды принципиальной критике.

Особенно острая дискуссия развернулась вокруг проблемы социальной ответственности ученых в современных условиях, правового воспитания и социального познания, социальных и политических институтов и инструментов обеспечения мира, социальной и национальной справедливости и равенства.

Философы и праведы-марксисты подвергли критике абстрактно-гуманистический, внесоциальный подход западных ученых к этим практическим вопросам, последовательно отстаивали марксистско-ленинскую точку зрения.

Большой интерес вызвал у участников этой группы доклад проф. М. Х. Хакимова о значении советского федерализма для решения проблем национальной государственности. На конкретном примере народов Средней Азии и Казахстана он показал, что советский федерализм — образец решения национального вопроса в интересах строительства социализма и коммунизма. Его политической основой явилась власть Советов, а основными принципами — суверенитет, равноправие и свобода наций, взаимопомощь и дружба братских народов. Советский федерализм создал благоприятные условия для успешного перехода народов ранее отсталых национальных окраин России в исторически кратчайший срок из мрака средневековья к вершинам современного прогресса, построения общими усилиями народов СССР развитого социалистического общества.

Оживленные дискуссии развернулись и при обсуждении таких актуальных проблем, как человек и личная свобода, ответственность и художественное творчество, общество и его нормы, будущее философии. В процессе их обсуждения доминировала марксистско-ленинская точка зрения, концепции диалектико-материалистической философии. Марксисты подвергли резкой и убедительной критике эклектический характер современного плюрализма и ряд буржуазных футурологических концепций, теории современной технотрофии, технотронного общества, субъективно-идеалистические трактовки свободы личности.

Более 80 делегатов участвовали в работе исследовательской группы «Философия и религиозное поведение» под председательством Х. Д. Дюиса (Англия). Доклады зачитали К. Беркхем (Люксембург), М. Драганов (Болгария), А. Ф. Окулов (СССР).

В своем докладе «Современный человек и религия» А. Ф. Окулов с марксистских позиций проанализировал факторы, подрывающие влияние религии в современном мире и меняющие ее характер. А. Ф. Окулов, А. Новицкий и другие марксисты подвергли резкой критике теологические концепции, показали, что современные теологи рассматривают природу человека как нечто неизменное. По их мнению, сущность человека выражает его отношение к богу, к трансцендентному. Излагая марксистскую концепцию проблемы, наши философы подчеркивали, что религия не может быть выведена из антропологических характеристик человеческого бытия; религия есть продукт развития общества, результат определенных социальных структур, в которых люди не способны управлять своими общественными отношениями. Социальные преобразования, происходящие в современную эпоху, коренным образом меняют отношение человека к религии. Социализм изменил не только материальные условия жизни людей, но и создал все необходимые предпосылки для постепенного исчезновения религии как иллюзорного сознания, препятствующего всестороннему развитию человеческой личности.

В целом работа конгресса прошла под знаком растущего влияния марксистско-ленинской философии, успехов социализма, в том числе в реализации прогресса науки и техники в интересах трудящихся, всестороннего совершенствования их личности. Он способствовал дальнейшему развитию творческих связей философов, расширению и углублению исследований по актуальным проблемам современной философской науки, успешное решение которых возможно лишь на базе подлинно научной методологии, марксистско-ленинского диалектического и исторического материализма.

М. Б. Баратов, Т. Р. Абдушукуров

СОЗДАНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ФИЛИАЛА СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

В последние годы в нашей стране получили широкое распространение конкретные социологические исследования, выступающие эффективным средством совершенствования управления социально-экономическими и культурными процессами в условиях развитого социалистического общества.

Неуклонно расширяется круг проблем, исследуемых с использованием методов конкретно-социологического анализа: это вопросы планирования социального развития трудовых коллективов и изменения социальной структуры общества, социальные проблемы индустриального и сельскохозяйственного труда, преодоления различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, воспитания всесторонне развитой личности, развития национальных отношений.

Расширяется и «география» конкретных социологических исследований: они развиваются сейчас не только в Москве, Ленинграде, Свердловске, но и в Прибалтике, Средней Азии, Закавказье, на Украине. Это выдвинуло в качестве актуальной проблемы координацию исследований по всей стране, создание опорных пунктов функционирующей уже много лет Советской Социологической Ассоциации (ССА) на местах.

Большое распространение получили конкретные социологические исследования в Узбекистане и других среднеазиатских республиках. В Академиях наук и вузах этих республик ведется изучение актуальных проблем теории и практики коммунистического строительства, в частности социальных последствий научно-технической революции, вопросов совершенствования общественных отношений, развития духовной культуры, изменения социально-классовой структуры общества.

Учитывая все это, Президиум Советской Социологической Ассоциации в ноябре 1973 г. принял решение о создании своего Среднеазиатского филиала.

11 апреля 1974 г. в Ташкенте состоялось расширенное совещание, посвященное организации Среднеазиатского филиала ССА, в работе которого приняли участие представители и члены Президиума ССА, социологи всех среднеазиатских республик.

В своем выступлении вице-президент АН УзССР И. М. Муминов подчеркнул назревшую необходимость организации филиала ССА, важность координации конкретно-социологических исследований в среднеазиатских республиках.

Доклад об основных направлениях конкретно-социологических исследований в стране сделал член Президиума ССА, зав. сектором Института социологических исследований АН СССР, доктор ист. наук, проф. И. В. Бестужев-Лада. Наряду с другими проблемами он подчеркнул важность углубления социологических исследований в области национальных отношений и целесообразность возложения функций координирования их на среднеазиатские республики.

Член Президиума ССА, зав. сектором Института социологических исследований АН СССР В. Г. Васильев и ученый секретарь ССА, канд. филос. наук А. И. Хорошев говорили о формах координации конкретно-социологических исследований в нашей стране, функциях Ассоциации, основных направлениях ее работы.

Выступившие затем представители социологических групп Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмени рассказали о ходе конкретно-социологических исследований в республиках и подчеркнули необходимость организации Среднеазиатского филиала ССА для координации этой работы в различных районах региона.

Совещание приняло решение об организации Среднеазиатского филиала Советской Социологической Ассоциации, избрало его руководство и рабочие органы.

Председателем филиала единодушно избран вице-президент АН УзССР И. М. Муминов, его заместителем — доктор филос. наук Т. Р. Абдушукуров. В состав Президиума филиала вошли ведущие социологи среднеазиатских республик. Центром филиала, место работы его Президиума избран г. Ташкент. Филиал и его рабочие органы приступили к выполнению своих функций.

Б. И. Кнопов

МУНДАРИЖА

ЎзССР ва Ўзбекистон Компартиясининг 50 йиллигига

И. Искандаров. Қўриқ ерларни ўзлаштиришнинг ижтимоий-иқтисодий натижалари	3
М. Адихонов. Ўзбекистон деҳқонларининг Улуғ Ватан уруши йилларидаги меҳнат жасорати	11
П. Х. Носиров. Социализмнинг иқтисодий қонуниятлари ва плагии пархив вужудга келтиришни шакллантириш	17
А. Ёўлдошев. Маънавий маданият ривожини илмий бошқариш ҳақида	23
О. Д. Чехович. Ўрта аср шаҳарлари тараққиётининг тарихий процесси бирлиги масаласига доир	27

Илмий ахборот

И. Д. Қобилниёзов. Саноат маҳсулотларининг материал ҳажмини камайтириш йўллари	36
М. Савуров. Санъат ва оммавий ахборот системасида телевидениенинг роли.	39
Ҳ. Усмонова. Ўзбекистоннинг Польша билан иқтисодий алоқалари тараққиёти ҳақида	41
М. Олтинов. Сурхондарёда социалистик маданият тараққиёти (1966—1970).	42
М. Жўраев. ЎзССР колхозчи деҳқонлари орасида снсий-оммавий ишлар тарихидан (1933—1937)	47
Р. З. Жалолов. XIX аср охири—XX аср бошлари Туркистонда чарм-пойафзал ишлаб чиқаришнинг ижтимоий-иқтисодий муносабатлари характеристикасига доир.	51
Б. Д. Кочнев. Ўрта Осиёда XVII асрда кумуш пул муомаласининг хусусиятлари ҳақида	53

Танқид ва тақриз

Ҳ. Т. Турсунов, З. Р. Нуриддинов. XVI—XIX асрлардаги рус—Ўрта Осиё муносабатлари тарихидан тадқиқотлар	57
Ш. Ғразоев, Г. Абдумажидов. Совет жиноят процессида таржимон	59

Илмий ҳаёт хроникаси

М. Б. Баратов, Т. Р. Абдушукуров. Философларнинг XV умумжаҳон конгресси	61
Б. И. Киюпов. Совет социологик Ассоциациясининг Ўрта Осиё филиалини ташкил қилиш	66

СОДЕРЖАНИЕ

К 50-летию УзССР и Компартии Узбекистана

И. Искандеров. Социально-экономические последствия освоения целинных земель	3
М. Адиханов. Трудовой подвиг колхозного крестьянства Узбекистана в годы Великой Отечественной войны	11
П. Х. Насыров. Экономические законы социализма и совершенствование планового ценообразования	17
А. Юлдашев. О научном управлении развитием духовной культуры	23
О. Д. Чехович. К вопросу о единстве исторического процесса развития средневековых городов	27

Научные сообщения

И. Д. Кабулдиязов. Пути снижения материалоемкости промышленной продукции (На примере обувной промышленности УзССР)	36
М. Савуров. Роль телевидения в системе искусства и массовой информации.	39
Х. Усманова. О развитии экономических связей Узбекистана с Польшей	41
М. Алтынов. Развитие социалистической культуры в районах Сурхандарьи (1966—1970)	42
М. Журяев. Из истории политико-массовой работы среди колхозного крестьянства УзССР (1933—1937)	47
Р. З. Джалалов. К характеристике социально-экономических отношений в кожевенно-обувном производстве Туркестана конца XIX—начала XX века.	51
Б. Д. Кочнев. Об особенностях серебряного обращения в Средней Азии XVII века	53

Критика и библиография

Х. Т. Турсунов, З. Р. Нуриддинов. Исследования по истории русско-среднеазиатских отношений в XVI—XIX веках	57
Ш. Уразаев, Г. Абдумаджидов. Переводчик в советском уголовном процессе	59

Хроника научной жизни

М. Б. Баратов, Т. Р. Абдушукуров. XV Всемирный конгресс философов.	61
Б. И. Кнопов. Создание Среднеазиатского филиала Советской Социологической Ассоциации	66

Цена 40 к.

Индекс
75349